

М А Р Т А Д О Д Д

Из окна посольства

Автор книги «Из окна посольства» Марта Додд — дочь профессора чикагского университета Уильяма Додда, который в течение четырех лет занимал пост посла Соединенных Штатов в гитлеровской Германии. Ученый историк, занимавшийся до назначения послом научной и преподавательской деятельностью, Додд не был дипломатом обычного типа. Он получил предложение от лично знавшего его Рузвельта занять пост дипломатического представителя США в Германии отчасти потому, что хорошо знал страну и ее язык: в дни своей молодости Додд учился в Германии, кончил Лейпцигский университет. Это обстоятельство и побудило его согласиться на предложение правительства: Додду, по его собственным словам, захотелось воскресить воспоминания молодости, вновь посетить «страну Гете и Шиллера», к которой он сохранил глубокое уважение и любовь. В 1934 году Додд прибыл в Берлин вместе с женой, сыном и дочерью Мартой, которая до этого работала в редакции газеты «Чикаго трибюн».

Если Уильям Додд, знавший когда-то иную Германию, имел полную возможность сравнить ее с тем кошмарным застенком, в который превратили «страну Гете и Шиллера» гитлеровские ублюдки, то у Марты Додд не было такого материала для сравнений. Она поехала в Германию, как она сама пишет в своей книге, «без всяких предубеждений», мало доверяя рассказам очевидцев о фашистском варварстве и терроре. Ей казалось, что эти рассказы говорят лишь о «частных случаях» и не отражают подлинной картины жизни в «новой Германии». Тем сильнее было ее потрясение, когда она собственными глазами увидела эту ужасающую картину. И тем более значительным и ценным оказалось ее свидетельство, изложенное с объективностью непредубежденного наблюдателя.

Марта Додд — не профессиональная писательница. Она просто рассказывает о том, что видела за четыре года в фашистской Германии. И виденное ею привело ее к убеждению, что гитлеровская диктатура является невиданной в истории «системой страха и террора, перед которой бледнеют даже утонченно-гнусные методы инквизиции». Есть в ее книге страницы, посвященные поездке по Советскому Союзу, который она дважды посетила во время своего пребывания в гит-

леровской Германии. Многие увиденное ею в СССР Марта Додд восприняла несколько поверхностно и наивно, но она не могла не обнаружить и не подчеркнуть в своей книге бросающейся в глаза колоссальной разницы между миром подлинной культуры и миром фашистского варварства. Эта поездка, превратившая ее в искреннего друга СССР, еще более укрепила ее убеждение в том, что фашистская Германия является опаснейшим врагом человечества. «Четыре года пребывания в Берлине и поездка в Советский Союз изменили внутреннее содержание жизни Марты Додд, — писала американская «Дейли уоржер», — она могла сравнить два мира, две культуры. Близкое соприкосновение с теми условиями социального и экономического рабства, которые являются ныне уделом германского народа, превратили молодую, романтически настроенную американскую девушку в политически зрелого человека и непримиримого врага фашизма. Она вернулась на родину с твердой решимостью словом и делом бороться против угрожающей человечеству коричневой фашистской чумы».

Книга Марты Додд получила самый широкий отклик в Америке. Критик «Нью-Йорк таймс» Чарльз Пур назвал ее «ценным свидетельством беспристрастного очевидца». Аналогичную оценку дали ей и другие американские газеты.

Дочь известного немецкого антифашистского писателя Томаса Манна, Эрика Манн, находящаяся сейчас в Америке, так пишет о книге Марты Додд:

«Додд отказался признать Германией тот фашистский застенок, в который превратили страну нацистские выродки. Его дочь с неменьшим отвращением и горечью наблюдала то, что видел ее отец... Они покинули Германию с неистребимой ненавистью к идеологам свастики, к палачам и убийцам, пытающим германский народ в чудовищном застенке, именуемом Третьей империей».

Четыре с лишним года пребывания в гитлеровском аду сделали Марту Додд не только убежденной антифашисткой, хорошо понимающей, какой угрозой для свободолюбивых народов является германский фашизм. Она вернулась на родину решительной сторонницей политики Рузвельта по отношению к фашистским агрессорам и решительной противницей американских изоляционистов, толкавших страну на гибельный путь. Она поняла,

что только коалиция демократических стран может положить конец фашистской тирании, и что самая крупная и решающая роль в этой коалиции принадлежит СССР.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В дни после избрания Франклина Делано Рузвельта президентом, мой отец проводил отпуск на своей ферме в горах Виргинии. Возвратившись в Чикаго, он рассказал нам, какую радость вызвало избрание нового президента, которого он знал лично еще во времена Вильсона. Мы все были горячими сторонниками Рузвельта, и в первый раз я голосовала за него в 1932 году. Мой отец был очень доволен тем, что выбрали Рузвельта.

Однажды утром в июне месяце моя мать позвонила мне в редакцию «Трибюн», где я тогда работала, и, не предупредив меня ни одним словом, сказала взволнованно:— Твоему отцу только что звонил президент Рузвельт, он предлагает ему пост американского посла в Германии!— Она попросила меня никому об этом не говорить, так как отец еще не решил, примет ли он это предложение.

Я попыталась мысленно представить себе ту Германию, где будет жить наша семья, припомнить все, что я знала и слышала о новой Германии. Гитлера я считала шутком, внешне похожим на Чарли Чаплина, который сжигает книги и ввел в своей стране диктатуру. Мне было трудно представить себе моего отца в такой атмосфере. Однако, я понимала, что такое предложение — большая честь, от которой редко отказываются, и что этот пост будет завершением всей его жизни, посвященной всецело истории и демократическим традициям его родины.

Я не помню, чтобы кто-нибудь из нас особенно тревожился при мысли о том, что нам придется жить в условиях фашистской диктатуры,— это показывает, что я тогда совершенно не понимала политического значения нацистского режима. Теперь я понимаю, что отец, вероятно, провел немало тревожных минут, раздумывая об этом. Он несколько раз говорил, что не знает, как отнесутся те перешенные немцы к его либеральным воззрениям и к его книге о Вильсоне. Впоследствии мы узнали, что когда его имя было названо германскому правительству, то оказалось, что там не знают, кто он такой, а наведенные справки не доста-

Ниже мы помещаем наиболее интересные отрывки из книги Марты Додд, рассказывающие о ее пребывании в фашистской Германии и отдельные ее впечатления о поездке в Советский Союз.

А. Л. А б р а м о в

вили нацистам особенной радости. Тем не менее отвести его кандидатуру было неудобно — это значило бы нанести оскорбление иностранной державе.

На прощальном обеде, который давали для нас немецкие общества, германо-американские организации и германское консульство, я сидела за столом между Карлом Сэндбергом и Торнтоном Уайлдером. Все мои друзья давали мне забавные советы, как держать себя в обществе дипломатов, учили, что говорить Гитлеру, когда я с ним познакомлюсь, и пугали нас с матерью до полусмерти, рассказывая, какой строгий этикет нужно соблюдать и какую пропасть денег нужно тратить для того, чтобы достойно представлять нашу страну. Но Торнтон Уайлдер, как всегда обаятельный, живой и дружелюбный, и Гарриет Монро дали мне хороший совет: учиться языку и общаться больше с немцами, чем с иностранцами.

Карл Сэндберг был в ударе — его манера говорить неподражаема и очень своеобразна:— Постарайтесь узнать, что за человек Гитлер, из какого теста он сделан, что движет его умом, что составляет его плоть и кровь. Перед вашими глазами пройдет целая процессия мошенников и бандитов, идеалистов, государственных деятелей, преступников, дипломатов, талантливых людей. Вы увидите все национальности мира. Наблюдайте их, изучайте, анатомируйте. Не будьте робкой и застенчивой. Пусть ваше окружение не портит вас и не портит вам жизнь. Будьте смелой и правдивой, оставайтесь, какой были — поэтической и цельной натурой.

Переезд морем был очень веселый и полный впечатлений, зато конец пути до Гамбурга, где мы пересели в поезд до Берлина, показался нам очень скучным.

Нас с матерью усадили в отдельное купе, заваленное самыми редкими цветами, и я скоро уснула, положив голову ей на плечо.

Вдруг поезд остановился, и я, едва успев протереть глаза и надеть шляпу, вышла на платформу, не совсем понимая, в чем дело, и чувствуя себя очень неловко. Передо мной была целая толпа народа; нас окружили репортеры, которых

советник посольства напрасно пытался удержать на расстоянии; представители министерства иностранных дел, члены дипломатического корпуса и много американцев пришли встретить нового посла и его семейство. Юпитеры лили непрерывный поток слепящего света, и я растерянно улыбалась прямо в объектив, окруженная букетами орхидей и еще каких-то цветов. Отец отвел журналистов в сторону и сказал им заранее подготовленную приветственную речь.

Меня усадили в машину вместе с каким-то молодым человеком, который, как я узнала впоследствии, был нашим секретарем протокольной части. Он указывал мне на достопримечательности Берлина. Когда мы обогнули здание рейхстага, которое он тоже назвал, я не удержалась от восклицаний:— А я думала, он совсем сгорел! Повидимому, здание цело. Расскажите мне, как же это вышло?— После двух-трех столь же нескромных, хотя и вполне естественных вопросов, он наклонился ко мне и сказал на ухо:— Ш-ш! Милая моя леди, учитесь держать себя так, чтобы вас только видели, но не слышали. Это — не Америка, здесь нельзя говорить все, что думаешь.— Я изумилась, но на первый раз послушалась. Это было мое первое соприкосновение с немецкой действительностью, и много времени прошло, прежде чем я научилась серьезно относиться к его совету. Не легко изменять привычки всей жизни.

Мы приехали в отель Эспланада, и нам отвели самые лучшие апартаменты. Мы ахнули при виде такого великолепия, а также при мысли о том, какой нам подадут счет. И здесь все комнаты были так полны цветов, что трудно было двигаться,— орхидей, изумительные лилии, редкие цветы самой разнообразной окраски и формы. У нас были две больших приемных залы, затянутых парчой, уставленных мраморными столиками и золоченой мебелью с ковровой обивкой.

Встречавшие нас друзья наконец ушли, и отец, взяв книжку, улегся в постель. Мы с матерью остались сидеть, подавленные сознанием того, что мы — семейство посла; до самого обеда мы принимали карточки и корзины цветов, которые то и дело вносили в наш номер, и ломали голову над вопросом, как же мы расплатимся за все это, если не удастся заложить самих себя.

За обедом отец был в прекрасном настроении. Мы все сошли вниз, к табль-

доту. Отец, не умолкая, говорил по-немецки, поддразнивал официантов, задавал им вопросы — словом, вел себя неподобающим для посла образом. Я никогда не слышала столько «Danke schön»¹ и «Bitte schön»², сколько за этот вечер, и впервые наблюдала почти рабскую услужливость немецкой прислуги. Обед был хорош, но по-немецки тяжеловат, и я в первый раз пила немецкое пиво.

После обеда мы решили немного прогуляться. Мы прошли по Аллее победы, уставленной по обеим сторонам довольно уродливыми и претенциозными статуями бывших правителей Германии. Отец останавливался перед каждым из них и давал нам его характеристику и краткий исторический очерк его эпохи. Здесь отец был в своей стихии, так как почти наизусть знал всю историю Германии, а если встречался какой-нибудь пробел, он мысленно делал себе отметку для изучения в будущем. Это был один из самых счастливых вечеров, какие мы провели в Германии.

Во время этой прогулки я, повидимому, простудилась и мне пришлось несколько дней пролежать в постели. Меня навестила Сигрид Шульц, талантливая журналистка, корреспондент «Чикаго трибюн», более десяти лет прожившая в Германии. Она маленькая, пухленькая, с голубыми глазами и густыми золотистыми волосами, очень живая и симпатичная.

Она знала былую Германию, и теперь ей было очень тяжело. Она многое рассказала мне о подвигах наци, об их жестокости, о гестапо, куда ее часто вызывали объясняться по поводу написанных ею статей. Я не поверила ее рассказам. Мне показалось, что она сильно преувеличивает, но как человек она мне понравилась, и мне было интересно услышать от нее что-нибудь о тех людях, с которыми мне придется встречаться, — о дипломатах и журналистах.

Среди журналистов, с которыми я познакомилась в то время, был Квентин Рейнольдс, корреспондент Хэрста. Это был крупный, даже грузный человек, кудрявый, с веселыми глазами и широким, всегда сияющим лицом. Проницательный, не поддающийся чужому влиянию, отнюдь не сентиментальный, он был по моему мнению превосходным журналистом. В Германии он жил всего несколько месяцев и

¹ Благодарю (нем.).

² Пожалуйста (нем.).

быстро усваивал язык. Он предложил мне и моему брату проехаться вместе с ним по Южной Германии и Австрии на нашем «Шевроле». Мои родители охотно дали согласие на эту поездку, считая, что это прекрасный способ изучить Германию. И вот в августе, почти через полтора месяца после нашего приезда, мы втроем отправились на юг. Поездка была очень интересная, и даже незнание языка доставляло нам забавные минуты, когда мы спрашивали дорогу или заказывали обед. Мы остановились в Виттенберге и видели 99 тезисов Лютера на бронзовой доске, прибитой к церковным дверям, потом поехали дальше, в Лейпциг, где мой отец учился в университете. Там, в старом погребе Ауэрбаха мы, как водится, выпили бесчисленное количество кружек пива, в память встречи Фауста с Мефистофелем. По дороге и в городах мы везде видели знамя фашистов — белый круг на красном фоне со свастикой в центре. При въезде и выезде из городов нам встречались широкие полотнища, протянутые поперек дороги, на которых я разобрала слово «Jude»¹. Мы поняли, что это — антисемитская пропаганда, но тогда не отнеслись к этому серьезно, по крайней мере — я. Кроме того, я еще не настолько хорошо читала по-немецки, чтобы схватывать общий смысл фразы и, надо сознаться, я плохо понимала, что значит нацистская нетерпимость.

Мы остановились на ночевку в Нюрнберге и, оставив за собой очень приятные и недорогие комнаты, вышли перекусить кое-чего и побродить по городу. Выходя из гостиницы, мы увидели, что посреди улицы собралась оживленно жестикулирующая толпа. Мы подошли ближе, чтобы узнать, в чем дело. Из вагона трамвая грубо вытаскивали и выталкивали молодую девушку. Мы увидели страдальческое, измученное лицо, цвета разбавленного абсента. На нее было страшно смотреть. Она была наголо обрита, и на груди у нее висел плакат. Мы шли за ней с минуту, глядя как толпа издевается над ней. Квентин и мой брат обратились с расспросами к окружающим. Из их ответов мы поняли, что это девушка-арийка, которая была в сожительстве с евреем. На плакате было написано: «Я жила с евреем». Я хотела идти за ней и дальше, но мои спутники были так возмущены этой сценой, что не пустили меня. Помню,

¹ Еврей (н е м.).

Квентин, которого я считала ко всему притерпевшимся и отнюдь не чувствительным, был так потрясен, что решил напиться до бесчувствия. Так мы и сделали.

Осмотрев Иннсбрук, одно из самых красивых мест во всей Европе, где пейзаж великолепен, а люди ласковее и дружелюбнее, чем в других городах (и очень понятно: они — не наци), — мы двинулись дальше: в Вену и Зальцбург. Пробыв в Вене несколько дней, мы в один голос сказали, что никогда не видели города лучше этого. Зальцбург — музыкальный город. Люди там движутся грациозно, думают и говорят так, словно их жизнь, благодаря музыке, стала полнее, приобрела новое значение.

Наконец мы покинули Австрию с ее очарованием и прелестью, с ее мягкой, свободной речью, и вернулись в Германию, только однажды увидев нацистское приветствие, и то уже у самой границы. Дико было возвращаться в Германию — сразу исчезли с лица земли музыка и поэзия, которыми мы были так полны. Опять, подвигаясь на север по берегу. Опять, подвигаясь на север по берегу марширующие отряды, белые рубашки — бросалась в глаза военизация всего народа.

Когда мы вернулись в Берлин, отдохнув и освежившись, мы новыми глазами взглянули на все, что происходит вокруг, и начали сопоставлять Германию, которую мы видели проездом, с Пруссией, в которой нам довелось жить.

Моему отцу часто приходилось протестовать против грубого обращения с американцами, и он чувствовал себя в очень неловком положении. Он приходил к завтраку, расстроенный и встревоженный зверским поведением штурмовиков, которые избивали всех, не отдававших чести нацистскому знамени. Были страшные случаи, а евреев — и немецких, и других — нередко избивали насмерть за то, что они не заметили флага, или даже только за то, что они были похожи на евреев. Меня это, конечно, возмущало, но я все еще закрывала глаза на истинное положение вещей, очевидно потому, что плохо разбиралась в социальных, экономических и расовых вопросах. Я пыталась даже подыскать оправдание этим эксцессам, и отец, глядя на меня, хоть и снисходительно, но довольно холодно называл меня и в своей среде, и при по-

сторонних «юной фашисткой». Это заставило меня временно занять оборонительную позицию, и я довольно долго горячо оправдывала поведение нацистов.

Однажды ко мне зашла моя знакомая американка, изучавшая социальные условия в Германии, и спросила, не хочу ли я побывать в концентрационном и трудовом лагерях. Я очень хотела видеть и то, и другое. Она немедленно это устроила. Как-то утром за мной заехали двое мужчин и моя приятельница, и мы направились в Arbeitsdienstlager¹ в нескольких часах езды от Берлина. Она сидела впереди с представителем министерства пропаганды, а я — на заднем сиденье, вместе с молодым атташе министерства иностранных дел. Сидевший впереди вел оживленную беседу с моей приятельницей, а она переводила мне его слова. Он проявлял самый пламенный энтузиазм. Когда я сказала моему соседу, что вполне согласна с ним, тот поморщился и постарался умерить пропагандистское рвение своего спутника. Я с пренебрежением отнеслась к его усилиям разочаровать меня и была очень счастлива, что с нами едет и другой спутник, настроенный не так скептически.

Мы обошли несколько бараков, построенных на болоте, и нам показали спальни, библиотеку, комнату отдыха и столовую лагеря. Моя приятельница настойчиво расспрашивала всех, кого видела, и делала снимки. Комендант лагеря попросил нас попробовать пищу. Нам подали отвратительный обед, состоявший из тепловатой размазни и вареного чернослива, но даже и это не охладило меня. Мы долго ходили по лагерю, наблюдая, как люди копают каналы для осушки болот. Все казалось очень мило и в полном порядке, не было никакой муштры и военных учений, о которых мне рассказывали мои ядовитые друзья. Мне не терпелось доложить им об этом и сказать: «Ага, ну что я вам говорила?»

Мои летние белые туфли были вконец испорчены, я устала и, должна сознаться, порядком соскучилась. Я сказала, что мне пора ехать, что меня ждет неотложное дело. На обратном пути, за несколько миль от лагеря, моя приятельница заметила группу людей посреди поля в каких-то странных позах. Она заставила нас остановить машину и побежала туда со своей фотокамерой. Мне

было видно, что эти люди делают военные упражнения, ложатся плашмя, потом вскакивают и бегут через поле. Они проделывали кроме того упражнения с винтовкой. Приятельница отвела меня незаметно в сторону и сказала: «Видите, чем они занимаются на самом деле? Администрацию лагеря, где мы только что были, предупредили о нашем приезде, так что мы ничего не видели, кроме самой невинной созидательной деятельности. А на этих мы наткнулись случайно, и вы видите разницу!» Я отмахнулась от такой оценки вещей и подумала: она, конечно, враг Германии и ищет самого худшего. Но на одну минуту и я остановилась в изумлении, заметив странное, недовольно выражение лица у представителя министерства пропаганды.

Посещение концентрационного лагеря так и не состоялось, а к тому времени, когда мне легко было бы этого добиться, то есть после того, как я познакомилась с Дильсом, начальником тайной полиции, я была слишком подавлена, чтобы продолжать обследование «примерных» немецких лагерей — трудовых и прочих.

Избиения американцев приняли в конце концов такие размеры, что отцу пришлось обратиться с протестом к самому Гитлеру, после чего подобные инциденты почти прекратились.

Наш дом был всегда полон народу: нас бывала молодежь, немецкие ученики атташе министерства иностранных дел, правительственные чиновники, журналисты и офицеры рейхсвера, С. А. и С. С. Профашистские и антифашистские настроения почти уравнивали друг друга. Ученые и интеллигенты, художники, люди свободных профессий, аристократы, всякий по-своему, одни более, другие менее осторожно выражали свое недоверие к Гитлеру и «новому порядку». Многие аристократы, близкие к Гогенцоллернам, были против Гитлера уже по своему рождению и воспитанию. Со дня на день, из месяца в месяц, из года в год они ждали, что Гитлер сдержит свое обещание и восстановит династию Гогенцоллернов. Удивительно, как цепко они держались за эту нелепую мысль. Большинство промышленников и дельцов отлично понимало, что «социалистические» лозунги Гитлера — это только слова, и никоим образом не могут повлиять на их хозяйничанье в области экономической жизни. Их фабрики опять работали с пол-

¹ Трудовой лагерь (нем.).

ной нагрузкой, и им нечего было бояться забастовок, профессиональных союзов и рабочего движения.

Большинство из тех, кто много путешествовал, жил за границей — безразлично, наци или не наци — чувствовали, что методы Гитлера опасны и могут подорвать престиж Германии и восстановить против нее международное общественное мнение. Среди членов организации «Стального шлема», упрямых и заносчивых ветеранов войны, было много старых вояк, которые ненавидели и презирали Гитлера так, как его презирают только в Германии. Через год после прихода Гитлера к власти «Стальной шлем» был ликвидирован.

Молодые офицеры рейхсвера, которых я знала в то время, держались более умеренных взглядов на «новый порядок». Они явно не доверяли фюреру и не одобряли того, что считали «социализмом» в его программе. Однако они выражали эти взгляды очень сдержанно и говорили, что Гитлер оставит армию в покое, обеспечит ей положение автономной единицы среди германского народа и даст ей возможность развиваться и расширять свою деятельность, им больше ничего не надо. Они требовали только свободы для возможности иметь своих главарей и вмешиваться в политику. Многие из них были монархистами, многие просто людьми, довольными своей деятельностью и материальной обеспеченностью, но они хотели остаться замкнутой бюрократической кастой, какой военные всегда были в Германии. В общем, в нашем доме люди, несогласные с Гитлером, выражали свое мнение, совершенно не скрываясь. Быть может, это были попытки прозондировать семейство нового посла.

На одном из скучных обедов или приемов я познакомилась с Рольфом Дильсом, в то время главой тайной полиции под началом у Геринга. Во времена республики он работал с социалистом Зевелингом, министром внутренних дел Пруссии, и, как подозревают, предал своего шефа.

Пока он занимал пост начальника тайной полиции, он всегда старался успокоить гнев и возмущение американцев и постоянно оказывал содействие нашему консульству и посольству. Он освободил нескольких американцев и, рискуя навлечь на себя немилость наци, не раз пытался удовлетворить запросы посольства относительно американских граждан, подвергшихся насилию, без вины арестованных или посаженных в тюрьму. Он

считался с общественным мнением Америки и прислушивался к нему гораздо больше, чем большинство должностных лиц, занимавших высокие посты в то время. Я знаю, что это делалось не по добrote сердечной, а скорее объяснялось его политическим оппортунизмом и редкой дальновидностью. Он хотел расположить посольство не только к нацизму, но и к самому себе. Я уверена, что он, как и многие другие, прикидывался убежденным нацистом по соображениям личного и политического порядка.

Я говорила со многими людьми, выпущенными из концентрационных лагерей, и они рассказывали мне, что в бытность Дильса начальником гестапо, каждый день убивали не менее двенадцати заключенных. В его ведении находилась одна из самых страшных тюрем в Германии, Колумбия — тюрьма для политических заключенных в Берлине. Когда он входил в комнату, вернее, подкрадывался как кошка, он вызывал у присутствующих нервное беспокойство, даже если им не было известно, кто он такой. Высокий и гибкий, с черными, как смоль, густыми волосами, он обладал самой зловещей наружностью, какую мне приходилось видеть. Лицо у него было в шрамах синеватого цвета, рот тоже изуродован ударом шпаги. Глаза черные, жестокие и пронизывающие.

Ему доставляло какое-то злобное удовольствие корчить Мефистофеля, он любил, чтобы с его появлением воцарялось мелодраматическое молчание. Он много раз бывал у нас в доме, большей частью на официальных приемах, и, кажется, только ему одному удавалось проскользнуть незамеченным мимо нашего зоркого дворецкого и войти без доклада. Вечер бывал обычно в полном разгаре, гости беседовали, танцевали, пили и ели. И вдруг, в конце вечера (он всегда приходил поздно) по комнате словно пронесся холодок и за вашей спиной неожиданно вырастал Дильс во всем своем мрачном великолении! Это не только мое личное впечатление — я проверяла его на многих знакомых.

Он принадлежал к С.С., но говорил, что они его ненавидят и что по-настоящему его поддерживают только С.А. В последнем я сомневаюсь. Он много раз описывал мне внутрипартийные интриги, раздоры и нелады. Сам он никого не любил и никому не верил (хотя, по видимости, он был предан Герингу). Да и ему не дове-

рjali. Я убеждена, что и Геринг ему не доверял, но я чувствовала, наблюдая их вдвоем, — а может быть, сделала этот вывод из рассказов Дильса, — что Геринг его побаивается.

От Дильса я впервые узнала, что слежкой занимается не только гестапо, но и все другие департаменты. Он дал мне понять, что Геббельс следит за Герингом, а Геринг за Геббельсом, оба они — за гестапо, а гестапо — за ними обоими. Моем романтическим глазам — впрочем, ведь все это подлинные факты — начала представляться огромная сложная сеть шпионажа, террора, садизма и ненависти, из которой не может вырваться никто, ни частные лица, ни чиновники.

Я начала понимать, что и дипломатический корпус втянут в эту сеть, что на каждого дипломата заведено дело, которое растет с каждым днем, за всей их работой следят, о каждом шаге доносят. Дильс сообщил мне, не помню — прямо или косвенным путем, что в посольстве и у нас на квартире поставлены диктафоны, и провода для них либо проложены в стенах, либо соединены с телефоном. Я скоро выучилась не говорить по телефону ничего такого, что не предназначалось для посторонних ушей. Ходили страшные слухи, которым я, ознакомившись с методами и обычаями нацистской диктатуры, уже не могла не верить. Среди ночи к дому подъезжал автомобиль, оттуда выскакивали эсесовцы, и через минуту увозили с собой мужчину или женщину, которых никто больше не видел. Таких случаев были тысячи, но для меня они только за последнее время стали реальностью.

В тот год, когда я встречалась с Дильсом, у меня не было спокойной минуты. Я все время боялась, что он какой-нибудь хитростью вытянет у меня сведения о моих немецких друзьях, и что это их погубит. Познакомившись ближе с методами террора и фашизма, с тем, что происходит в Германии, после откровенных разговоров с должностными лицами и дипломатами, я отчаянно жалела о том, что не могу лишиться памяти. Я не доверяла себе, боялась подпасть под влияние этого сверх-конспиратора, да и не даром! В следующие три года я видела с ним реже, но все-таки смертельно его боялась.

Однажды вечером, проводив меня домой, он выразил желание посидеть немного у нас в библиотеке и выпить ста-

кан виски. В тот вечер он и сам был встревожен — возможно, не удалась какая-нибудь интрига, или наци были им недовольны. Во всяком случае, ему захотелось поговорить откровенно. Я схватила с дивана подушку и бросилась к телефону. Он мрачно усмехнулся, потом одобрительно кивнул головой.

С того времени я всегда накрывала телефон самой тяжелой подушкой, какая подвертывалась под руку, прежде чем позволить кому-нибудь говорить без стеснения. Я рассказала отцу об этом, он смастерил себе картонный футляр для телефона, плотно набитый ватой, и если кто-нибудь у него в кабинете пускался в откровенности, он накрывал телефон этим футляром. Был ли от этого какой-нибудь толк, я не знаю. Но во всяком случае звук можно было приглушить. И таким образом, отец, полужутя, полусерьезно, давал понять немцам, что американский посол осведомлен об их фокусах! Теперь мне разумеется, известно, что такие аппараты для подслушивания действительно существуют и что они могут быть соединены с телефоном, и что можно даже купить диктафон якобы американского производства, который записывает разговор от слова до слова, если его приставить к стене в соседней комнате. Когда мы возвращались после недолгой отлучки, мы замечали, что поставлено еще несколько диктафонов, или старые проверены с помощью слуг, которым мы в первые же месяцы перестали доверять.

Я уверена, что атмосфера, создаваемая Дильсом, подготавливалась им очень старательно. Ему хотелось запугать даже дипломатов, лишь бы насладиться сознанием своей власти. Если у него была какая-нибудь другая цель, например, выследить нас или наших друзей, или уверить нас, что методы фашистов действуют без промаха, то он этой цели не достиг. Во-первых, было известно, что все письма вскрываются, даже наша дипломатическая почта, что читаются даже шифрованные телеграммы. Во-вторых, мы научились не высказывать даже наших собственных мнений. С другой стороны, Дильс сам постоянно чувствовал себя под ударом. Когда ему хотелось дать себе волю, он уезжал за город, разговаривал, гуляя по лесу, или заходил в какой-нибудь безвестный ресторанчик.

Я думала, что буду иметь возможность встречаться с известными немецкими пи-

сателями и художниками. Как мало я извлекла из того факта, что в Германии сжигают книги и преследуют интеллигенцию, и как плохо читала американские газеты, видно хотя бы по тому, что я надеялась встретиться с такими выдающимися литераторами, как Леонард Франк, Деблин, Цвейг, Ремарк, Мани, Фейхтвангер, Людвиг, Вассерман и Гауптман. Из этой группы в Германии остался один только Гергард Гауптман, но я его ни разу не видела, а впоследствии и не желала видеть. Он стал ярым наци, и его осыпали почестями, которые, в сущности, не соответствовали размерам его славы.

Интересно отметить, что ни один из талантливых писателей, кроме Гауптмана, не капитулировал перед национал-социализмом. Немецкие писатели всегда шли в авангарде прогрессивной мысли. Фейхтвангер, с которым я познакомилась через несколько лет в Париже, рассказывал мне, что накануне захвата власти Гитлером немецкое посольство давало в Вашингтоне обед, на котором тогдашний немецкий посол фон Притвиц восхвалял Фейхтвангера, как прекраснейший пример расцвета современной немецкой культуры. На следующий день Гитлер захватил власть, а через несколько недель об авторе «Успеха» говорилось, как о худшем примере еврейско-марксистского вырождения, и его книги были сожжены на площади. Его имущество было захвачено, дом, деньги, даже библиотека конфискованы, так же, как и доходы с его книг, поступавшие из-за границы в немецкое издательство.

Я начала расспрашивать знакомых, что же случилось с писателями, которыми я восхищалась. Даже у самых ретивых нацистов я подмечала неподдельную печаль, когда они начинали говорить о судьбах немецкой литературы.

На одном вечере, где очень много пили и веселились напропалую, я встретила с Гансом Гейнцем Эверсом, который прежде писал упадочные рассказы на сексуальные темы, полные дешевых ужасов.

Как только Гитлер пришел к власти, Эверс понял, куда дует ветер, и поспешил примазаться, написав биографию Хорста Весселя. Теперь это официально принятая биография вожака С. А., якобы убитого коммунистами и написавшего слова нацистского гимна, который назван его именем.

Эверса принимают в официальных и даже дипломатических кругах, но я с гордостью могу сказать, что он никогда не бывал у нас в доме. Старый, с моноклем в глазу, безуспешно старающийся казаться моложе своих лет, он представляется мне одним из самых отвратительных типов, с какими мне приходилось встречаться. Когда он взял мою руку и поцеловал ее, я вздрогнула от отвращения. Руки у него в какой-то чешуе, усеяны подсохшими красными струпами, жесткие и противные. После его рукопожатия мне медленно захотелось пойти вымыть руки. Это было все равно, что дотронуться до жабы или до какого-то омерзительного пресмыкающегося, только что сменившего кожу. Я как можно скорее ушла в другую комнату, чтобы отвязаться от этого отвратительного существа и от его панегириков фашизму.

ПОЕЗДКА В РОССИЮ

Я столько нагляделась крови и ужасов, что этого хватило бы на всю мою жизнь, хотя впоследствии мне пришлось узнать еще очень многое. Страх, царивший в Германии, деморализовал народ почти на наших глазах. Мои родители и знакомые дипломаты все же думали, что восстание измученного немецкого народа еще возможно. Но мне казалось, что Гитлер, пользуясь террором, шпионажем, легальными и нелегальными методами надзора, крепко держит в руках всю страну. Революции не предвиделось. Я давно уже думала о поездке в Россию. Через неделю после июньской резни, я была уже на пути туда и, разумеется, очень радовалась, что вырвалась из Германии.

И мои родители, и мой брат очень неодобрительно смотрели на мою поездку в Россию, хотя бы и на месяц. Чтобы успокоить их, я прибегла к невинной лжи: я ехала одна, но сказала им, что встречу на аэродроме со своими друзьями и буду путешествовать вместе с ними. Отец, вероятно, подозревал, что это неправда. Больше всех тревожилась мать: Россия представлялась ей дикой страной, на краю света, полной страшных большевиков, страной, где свирепствуют тиф, чума, оспа, лихорадка и другие болезни, неизвестные Западу. Я обещала писать как можно чаще и клятвенно заверила ее, что сделала себе прививки против всех болезней.

В Советский Союз!

В кишевшем народом ленинградском аэропорте меня встретила румяная, хорошенькая девушка — приставленный ко мне гид. На улице было еще совсем светло, хотя пробило уже восемь часов. После позднего обеда, сервированного официантом, державшимся очень независимо и достойно — ничего похожего на рабскую угодливость немецкой прислуги — я улеглась в кровать под голубым бархатным балдахином в роскошном номере гостиницы «Астория».

Утром мы осматривали Ленинград. Он мог бы быть одним из самых красивых городов Европы: широкие улицы благородных пропорций, прекрасные площади, проспекты и парки. Но Ленинград сильно нуждался в ремонте — на домах облупилась краска, местами отбита была штукатурка. Везде шла оживленная работа — старые здания подновлялись, улицы мостили заново, повсюду возводились новые постройки.

Я побывала на нескольких заводах под Ленинградом, и на меня произвели огромное впечатление амбулатории, детские ясли, кухни и клубы для рабочих. Прежние дворцы, имения и парки оборудованы под дома культуры и отдыха, спортивные площадки, санатории, школы или

пионерские лагеря. Все это сделано для рабочих другими рабочими, которые стоят во главе государства, все это принадлежит им по праву, как создателям народного богатства, и вовсе не является подачкой, которая дана для того, чтобы умирять рабочих и держать в руках, чтобы заглушить растущее в них чувство достоинства и сознание силы.

Больше всего мне запомнились прекрасный вид на Неву, с Петропавловской крепостью на заднем плане, длинная и широкая набережная вдоль этой необыкновенной реки, просторные площади и улицы, архитектурные сокровища прошлого, которые так заботливо и тщательно охраняются и служат для общей пользы. Мне всегда говорили, что русские — варвары, что они уничтожили все прекрасное, все дворцы и великолепные здания, старинные и новые церкви. И потому я была изумлена, увидев, что эти здания нетронуты и служат для образовательных целей или превращены в санатории и дома отдыха.

Я унесла с собой картину большого, раскинувшегося во все стороны города, прекрасно распланированного, полного жизни и созидательной деятельности; я видела битком набитые трамваи, женщин, выполняющих мужскую работу (например, вагоновожатых и милиционеров); светлые ночи, когда все городское население выходит гулять на улицы и в парки. Это первый город из всех, какие мне пришлось видеть, который безраздельно в руках пролетариата, который борется, работает, учится на суровом опыте, приносит жертвы и дерзновенно мечтает о будущем.

Меня глубоко трогало бережное отношение рабочих к богатствам прекрасного города, постоянная забота о сохранении их, — и у меня создалось впечатление, что русские люди особенно умеют ценить все, что украшает жизнь.

Я не нашла в Ленинграде ни ночных клубов, ни роскошных магазинов. Вместо этого было сколько угодно театров, кино, парков, лекций и развлечений, доступных всем или просто бесплатных.

Я приехала в Россию совершенно неподготовленной к тому, что мне пришлось увидеть. Что эксплуатации больше не существует, что стерлась разница между богатыми и бедными (ибо постепенно строилось бесклассовое общество); что рабочие взяли в руки свое настоящее и будущее, мне разумеется, должно было

поправиться и понравилось, но все же это очень меня поразило. Я не чувствовала себя свободно с этими людьми,—меня пугала грандиозность стоявшей перед ними программы образования народа, реконструкции и организации хозяйства.

Что понравилось мне больше всего, это полное отсутствие показной военизации. Я не видела ни наглых вызывающих манер, ни фанфаронства, ни милитаристской пропаганды; не было ни высокомерия, ни рисовки, которые, после пребывания в Германии, казались мне неотъемлемой принадлежностью военной машины.

С первой минуты приезда в Москву и до последнего дня я была очарована этим городом. Повсюду чувствовалась кипучая энергия и любовь к жизни.

Как и в Ленинграде, на улицах почти не видно было солдат, я ни разу не видела ни парадов, ни учений; люди, повидимому, общались между собой свободно и непринужденно, без официальной натянутости. Ни на ком не было заметно штампа касты, класса или профессии, все держалось независимо и с достоинством.

Американский посол Буллит как-то пригласил меня к себе на завтрак. Это был очень живой и довольно привлекательный по внешности человек, с блестящими светлыми глазами, но в его быстрой речи и быстрых взглядах чувствовалась какая-то нервозность и неуверенность. Мне кажется, что человек, который сразу же вызывает вопрос, что он такое на самом деле, как он проявляет себя в повседневном быту, когда сбрасывает маску,—должен внушать подозрение и ему не следует доверять.

В то время Буллит был признанным другом Советского Союза, учил красноармейцев играть в поло, давал сенсационные вечера для дипломатического корпуса и советских служащих, разыгрывая роль «старшего брата» Советского Союза. Русские, вполне удовлетворенные тем, что США признали СССР, были очень предупредительны; они поддерживали бы дружеские отношения не только с ним, но и с любым представителем, какого послали бы наше правительство.

Я познакомилась с несколькими дипломатами из штата Буллита и решила, что для изучения России будет полезнее держаться подальше от американского посольства. Я встречалась с Вальтером Дюранти, видела, как он разговаривает, сплетничает, сердито стучит палкой, го-

рячо сочувствует русским и раздражается на них,—и все это не стесняясь, естественно, жизнерадостно. Нечего и говорить, что в Москве Вальтер не всегда бывал блестящ и заразительно весел, ибо климат России и множество неудобств начинали сказываться на нем, как и на других иностранцах. Но отсутствие комфорта никогда не мешало ему судить беспристрастно о планах России на будущее и о ее достижениях.

Я провела несколько часов в Кремле, видела собор, где венчались на царство все русские цари, и где они похоронены, осматривала Грановитую палату, где Советское правительство хранит драгоценные реликвии старого и нового времени.

Мне, разумеется, говорили, что русские уничтожили, продали или конфисковали все сокровища прошлого, и потому мне было особенно любопытно увидеть все это своими глазами. Каждый, кто видел это здание, полное сокровищ, выносит оттуда одну и ту же мысль: он начинает понимать, что такое революция, она становится ближе и понятнее.

Хотя Москва все еще страдает от недостатка жилой площади, дома для рабочих вырастают повсюду; правда, их все еще недостаточно, но они новой архитектуры, простые и легкие по конструкции. Я видела много рабочих квартир в новых домах, а кроме того, больницу, оборудованную новейшей медицинской аппаратурой и инструментами, которая произвела на меня большое впечатление. Красная площадь — огромная, залитая асфальтом — одна из самых красивых в Европе. На этой площади, под стенами Кремля, стоит мавзолей Ленина, замечательное сооружение из черного гранита и темнокрасного порфира, суровой, внушительной и незабываемой простоты.

Мне было очень жаль расставаться с Москвой, но я решила прокатиться по Волге. Уложив кое-какие вещи, я простилась со своими друзьями и с ночным поездом уехала в Горький, вооружившись персидским порошком, нюхательной солью и туалетной бумагой, похищенной мною в гостинице. Теперь я уже немножко больше знала о России и русских и уже не испытывала ни грусти, ни угнетения, ни отчужденности, как в Ленинграде. Я чувствовала себя свободнее и легче, гораздо легче, чем за весь год жизни в Европе.

На следующее утро мы благополучно прибыли в Горький, живые и здоровые, ни разу не укушенные клопом!

Мы провели в Горьком всего несколько часов, поэтому я помню только, что это очень старый город, и что в нем родился знаменитый советский писатель Максим Горький, в честь которого город переименован.

На пароходе я подружилась с добродушным толстяком-капитаном, с его помощником и маленьким шестилетним сыном. Все они говорили только по-русски. Кормили нас прекрасно. Три раза в день, и даже чаще, давали икру, огурцы в сметане, свежие и вареные фрукты, очень вкусные и питательные русские супы, превосходные мясные блюда, сливочное масло, мороженое, рыбу. То и дело подавали горячий чай в стаканах, как это принято везде в России.

Ночью пассажиры подолгу засиживались на палубе, мужчины и женщины пели чистыми, протяжно-грустными голосами, темная, возникшая словно во сне река текла медленно, мягко журча у бортов парохода, ровным ходом двигавшегося по спокойной воде. Днем я убедилась, что это самая широкая и самая красивая река, которую мне когда-либо приходилось видеть — ни с чем не сравнимой синевы, окутанной легким молочно-голубым туманом, неторопливо проплывающим над ней.

Мы сошли с парохода в Сталинграде — шумном новом городе, с поразительной быстротой разросшемся по окраинам, где возникли вполне современные рабочие поселки. Здесь же находится второй по величине в России тракторный завод. В 1932 году в городе было 200 000 жителей, теперь по меньшей мере 400 000. Здесь я особенно почувствовала рост и значение новых промышленных городов Советского Союза, и вы только представьте себе — ведь это его младенческие годы!

В ужасающей жаре мы сели в Сталинграде на ростовский поезд и поехали по однообразной равнине Донбасса, богатейшему угольному району страны.

В Ростове надо было повидать столько интересного, что я, несмотря на жару, ни минуты не сидела спокойно. Молочные комбинаты, рабочий городок, выросший на окраине старого города, больницы, театры, парки, где жители Ростова гуляют, флиртуют, поют и пьют вино до поздней ночи — я осмотрела все. Запомнились опрятный вид рабочих, заботы о их здоровье, образовании; меня опять поразил тот факт, что все самое лучшее в жизни пре-

доставляется огромному большинству населения. Здесь нет ни расовой ненависти, ни классового антагонизма, ни угнетения человеческой индивидуальности жестокими законами экономики, которые в других странах способствуют тому, что бедняки становятся еще беднее, а богачи еще богаче.

Чем ближе к югу, тем веселее и легче становилось у меня на душе, и с людьми я чувствовала себя более уверенно и просто. Глядя на этих жизнерадостных людей, на их свободные движения и речь, я убедилась, что их взаимоотношения, в которых незаметно ни малейших следов нездоровых предрассудков, ни тяжкого гнета жестокой военной машины, основываются, главным образом, на чувстве человеческого достоинства и гордости своим трудом.

Недалеко от Тифлиса я увидела зрелище, поразившее меня своими контрастами. На вершине горы высился блестящий золоченый купол и развалины монастыря. Внизу — громадная статуя Ленина, а позади нее — мощная гидростанция. Это дает очень много материала для размышлений. Тифлис, город, основанный еще в пятом веке, необычайно красив. Здесь, на перепутье Востока и Запада, живут двадцать различных национальностей.

Обитатели этой части Советского Союза особенно выделяются своей внешностью — лица у их смуглые, тонкоочерченные, глаза темные.

Признаки прогресса заметны и здесь: новые школы, музеи, технологические институты, электростанции, больницы, — но самый город все же кажется древним, хотя везде видишь благосостояние и чистоту. Мы поднялись на высокую гору над Тифлисом и увидели внизу весь город, словно дремлющий между золотыми вершинами в мягкой дымке летнего зноя.

На Черноморском побережье почти в каждом городе видишь новые здания, заводы, строящиеся доки — кипучую, веселую, творческую жизнь пробудившегося народа.

Мы приехали в Ялту, один из самых красивых русских городов, летний курорт, лежащий в полукруге зеленых гор у сапфирового моря. В прежние годы в самой Ялте и в ее окрестностях были роскошные царские дворцы. Сейчас все они, без исключения, переоборудованы в дома отдыха и санатории для рабочих и крестьян.

Мы остановились на день в Севастополе, и потом поехали пароходом в Одессу. Устав от жары и от напряжения последних месяцев, я решила провести оставшиеся дни путешествия поспокойнее. Из цветущей Одессы, идеально расположенной на берегу моря, мы поехали в Киев, столицу огромной и богатой Украины, на которую так зарятся немцы. Здесь опять повсюду были признаки созидательной работы Советской власти — индустриализация отсталых районов, амбулатории для рабочих, парки, зрелищные предприятия, улучшенные жилищные условия.

Наши газеты идут в Южную Россию долго, местные я читать не могла, и поэтому об убийстве Дольфуса и смерти Гинденбурга я узнала косвенным путем, от знакомых. Вспоминая кровавые дни, свидетелем которых мне пришлось быть незадолго до отъезда из Берлина, я чувствовала, что международное и внутреннее положение Германии должно быть критическим.

Мне очень не хотелось уезжать из России, но время мое истекло, а кроме того «дома» назревали события. Я наконец-то удовлетворила свое любопытство, увидав, и довольно основательно, ту страну, которую чуждые ей люди постоянно сравнивают с нацистской Германией, страну, которой страшатся, которую осыпают бранью и ненавидят нацисты. Что же касается меня, то я сделала для себя несколько важных выводов.

Первый: В России отношение к людям более справедливое и уровень жизни более высокий, чем у немцев. Так, например, статистика показывает, что заработная плата в Германии или понижается или остается на прежнем уровне, при общем вздорожании жизни, тогда как в России заработная плата постепенно растет, а цены на продукты падают. Когда я через несколько лет приехала сюда во второй раз, хлебных карточек не было и в помине, все магазины были завалены хлебом и другими продуктами и всюду можно было найти любые товары. А в Германии той же зимой ввели продуктовые карточки, потребление мяса, масла, яиц было строго ограничено, цены на одежду и другие предметы широкого потребления, — кстати, изготавливаемые теперь из заменителей, — подскочили кверху. Таковы простейшие наблюдения работы двух различных экономических систем —

простейшие, но тем не менее говорящие о многом.

Второй: Я не видела в России ни малейших следов расового разграничения, ни в отношении евреев, ни в отношении других национальных меньшинств.

Третий: Хотя посещение церкви в России сильно сократилось, тем не менее церкви открыты для всех желающих. Религия повсюду уступает место науке. В Германии же религия ликвидируется. И немцы, не собираясь заменять религию наукой и повышением жизненного уровня, предлагают вместо бога — Тора, вместо неба — Валгаллу и вместо христианских святых — варварских героев прошлого.

Четвертый: В России создана могучая Красная Армия, но в стране нет и следа милитаризма. Насколько можно судить, русские народные массы не обременяют милитаристской пропагандой, тогда как в Германии ежедневно, в каждом городе, в поселке, в деревне бьет в глаза наглость, с которой держатся отряды рейхсвера, охранников, штурмовиков, геринговского гестапо, регулярной полиции и других бесчисленных формирований, вбивающих в сознание масс империалистическую политику.

Пятый: Россия не грозит никакой другой стране ни прямым, ни косвенным путем, не выражает желания захватить чужую территорию, присоединить к себе другие народы. А германское правительство устами самого Гитлера или его присяжных ораторов изо дня в день яростно твердит о своем праве на территории, народонаселение и экономические ресурсы других стран. Они разевали пасть на Австрию, Чехословакию и Украину; они пытались лестью и голубиной кротостью сбить с толку Балканы, Прибалтику и Польшу.

Но что гораздо важнее речей и пропаганды, это идеология, лежащая в основе нацистского режима, идеология, которая утверждает священные права Германии на все германское народонаселение во всем мире, включая Южную Африку, Южную Америку и Соединенные Штаты.

Уже не говоря об интересной экономической системе, которую я видела в действительности, меня захватила необъятность Советского Союза, населенного множеством национальностей, живущих под одной властью; захватила необычность типажа, разница в климатических условиях, обы-

чаях, одеяниях, религиях и языках. Советский Союз включает в себя и Европу, и Азию, и Ближний Восток и отдаленную Арктику. Я, словно Марко Поло, открыла новую страну, и это путешествие было очень интересно и поучительно для меня.

Миновав унылую, поражающую своей нищетой Польшу, мы остановились на час в Варшаве и, наконец, приехали в Берлин. Я похудела на несколько фунтов, но вид у меня был здоровый, а таким загаром в Берлине никто не мог похвастаться. Я надела пеструю кавказскую тюбетейку и выпрыгнула из вагона. Мои родители не сразу узнали свою дочь, загоревшую до черноты под русским солнцем, да еще в яркой азиатской шапочке!

Им очень хотелось послушать о моих впечатлениях, а я жадно накинулась на них с расспросами о Германии.

СНОВА В БЕРЛИНЕ

Мой отец, вместе с другими дипломатами, был приглашен на похороны Гинденбурга. В сопровождении, вернее сказать, под конвоем двух молодых эсэсовцев, он отправился дипломатическим поездом в Танненбург. Потом он рассказывал, что эти молодые люди окружили его всяческими заботами, чуть ли не превратились в лакеев, и ни на одну минуту не оставляли его одного. Не испытывая никакого удовольствия от такого внимания, отец попросил их оставить его в покое. Они удалились, весьма разочарованные, не получив никакого ответа на свои осторожные и, якобы, невинные вопросы. Такие люди вертелись возле всех дипломатов, пытаясь — весьма неуклюже — выпытать, как те на самом деле относятся к недавним событиям в самой Германии и за ее пределами.

Похороны в Танненбурге были одним из самых пышных нацистских «цирковых представлений». По словам отца, эта помпезность и воинственность походила больше на милитаристскую демонстрацию, чем на похороны. Упор был сделан на мировую войну и на ту роль, которую играл в ней Гинденбург, а также на восхваление древней и современной нацистской Германии. Моего отца всегда раздражали и возмущали эти варварски пышные повиннистические церемонии, и он, если уж присутствовал на них, то с величайшей неохотой. Сплошь и рядом он

отказывался присутствовать на подобных торжествах, ссылаясь на здоровье, и эта отговорка была вполне основательной, так как сидеть часами, в любую погоду, выслушивая нацистские агрессивные разглагольствования — такое физическое напряжение способно измотать кого угодно.

Мою мать очень утомили и взволновали общественные и политические события этого лета, и мы втроем — она, мой брат и я — решили съездить на месяц в Южную Германию.

Мы остановились ненадолго у красивого озера недалеко от Мюнхена, а оттуда поехали в Обераммергау на празднество «Страстей господних». Через несколько дней к нам присоединился отец, и мы все часами смотрели на бесконечные процессии знаменитой мистерии. На мой вкус это зрелище было чересчур «туристским», а отцу претила нацистская пропаганда, которой они ухитрились пропитать все сцены между Христом и Иудой, намекая на конфликт Гитлера и Рема! Директор нашего отеля, человек вполне интеллигентный, однажды очень удивил меня, заговорив о «предательстве» Рема и о его безнравственности. Я ответила ему, что считаю все эти легенды нелепыми. Он с хитрым видом осмотрелся по сторонам — не слышал ли кто-нибудь моих слов — потом пожал мне руку и утвердительно закивал головой, ласково глядя на меня.

Отцу надо было возвращаться в Берлин, а мы поехали в Вену, Зальцбург и Будапешт. В Будапеште мы встретили одного нашего старого знакомого, венгерца, который взялся показать нам город.

Мы вернулись в Берлин отдохнувшие, готовые встретить еще один полный событий год. Значение Берлина, как политического центра, все росло и росло.

Гитлер был всемогущ. Он фактически уничтожил влияние штурмовых отрядов, он подавил всякую оппозицию и справа и слева и из центра, занял президентское место Гинденбурга, продолжая оставаться рейхсканцлером. Ходили слухи, что Гинденбург оставил завещание, где в качестве своего преемника указывал на фон-Папена или на кого-нибудь из Гогенцоллернов, к которым он всегда питал слабость. Гинденбург — посредственный вояка, далеко не безукоризненный, но тем не менее почтенный «кумир Германии», который, вместе с фон-Папеном, отдал Германию Адольфу Гитлеру, — умер, и умер в самый подходящий для этого момент.

Гитлер может не беспокоиться, может не бояться разоблачений. «Легендарное имя» можно использовать, свои собственные честолюбивые планы и чаяния можно преподнести германскому народу устами старика. Гинденбург умер, а его завещание покоится в кармане хитрого, беспринципного, свиноподобного фон-Мейснера, который, как известно, имеет счастливую способность переживать одно правитель-ство за другим и самым чудесным образом выходить сухим из воды при всех обстоятельствах.

Фон-Мейснер привез завещание из Нейдека в Берлин и, как говорят, положил его Геббельсу на стол. Прошло до неприличия долгое время, и завещание было опубликовано.

ПОРТРЕТЫ НАЦИСТОВ

Я была более или менее знакома почти со всей нацистской верхушкой и с их прихлебателями. В неофициальной обстановке мне пришлось встретиться с Гитлером только один раз, но на парадах, в опере, на приемах я видела его часто, а на Олимпиаде — почти через день, так как я сидела в дипломатической ложе чуть ли не под самым его носом.

Было такое время, когда немцы любили Гитлера; в кино при его появлении на экране публика даже разражалась аплодисментами. За последние два года моего пребывания в Берлине зрители в кино внимательно смотрели на экран, внимательно слушали, но когда Гитлер кончал говорить или маршировать перед войсками, зал продолжал хранить такое же напряженное молчание. За все это время я только один или два раза слышала в кино жидкие аплодисменты. В 1937 году, когда Муссолини приехал в Берлин, его речь была заснята на киноплёнку, и они с Гитлером оба появились на экране. Увидев Муссолини, отчаянно жестикулирующего, с выпяченной вперед бульдозерной челюстью, публика встретила это нелепое и отвратительное зрелище презрительным смехом. Я даже слышала весьма нелестные комментарии по его адресу, произнесенные вполголоса где-то рядом. Когда же Муссолини сменил Гитлер, в зале снова воцарилась напряженная тишина. Ось Берлин — Рим в высшей степени непопулярна у среднего немца, и он не преминул воспользоваться случаем, чтобы выразить свое неудовольствие ею.

Одной моей приятельнице, страстной спортсменке и феминистке, однажды пришлось встретиться с Гитлером в Мюнхене в неофициальной обстановке, за завтраком. Она рассказывала, что сначала он вел себя как вполне нормальный человек, потом вдруг свернул на одну из своих излюбленных тем и разразился нескончаемым иступленным монологом.

Мой отец захватил только самый конец Олимпиады, поэтому первые дни я пользовалась его билетом и проходила в самый конец дипломатической ложи, чтобы быть поближе к Гитлеру. Я смотрела на него, конечно, не меньше, чем на стадион. Он приходил на состязания почти ежедневно и следил за великолепными выступлениями американских спортсменов. Победители обычно подходили к ложе Гитлера и получали от него поздравления. Однако, если победа присуждалась Оуэнсу или какому-нибудь другому негру из американской команды, Гитлера каждый раз в ложе не оказывалось. В один из дней соревнований американский флаг поднимали раз пять, и чуть ли не все пять раз подряд, и все присутствующие должны были стоя выслушивать наш национальный гимн. Гитлер приветствовал победителей, подняв руку и с кислой физиономией. Если же победителем выходил немец, он в ребячьем восторге вскакивал с места, и его восхищение и радость были безграничны. Судя по всему виду и поведению Гитлера, он не имел ни малейшего понятия о том, что такое настоящий спорт, и не умел ценить его как таковой. Для него Олимпиада служила исключительно прославлению идеи германизма, и только поэтому он и приветствовал немецких спортсменов, вышедших на первые места.

Как-то раз в дипломатической ложе сидел американский писатель Том Уолф. После одной из наиболее блестящих побед Оуэнса, Том не удержался и заорал что было сил. Гитлер заерзал на стуле, посмотрел вниз, отыскивая глазами этого злодея, и сердито нахмурился.

Из разговора с одним из сотрудников Риббентропа, человеком как будто не глупым, я однажды выяснила, что нацисты приравнивают негров к животным и считают, что им не место на Олимпиаде. Этот молодой человек развил свою мысль дальше, сказав: — Конечно, если бы немцев было настолько неправильное понимание идеи спорта, чтобы выпустить на ста-

дкои оленей или каких-либо других быстроногих животных, то Германия отняла бы пальму первенства у Америки.— Он добавил, что мы, американцы, поступаем не по правилам, выпуская на соревнования с великолепными представителями германской расы таких недочеловеков, как Оуэнс и другие негры-спортсмены, и что судьи Олимпиады должны запретить это! Мне было противно слушать его злобную болтовню, но, поразмыслив, я поняла, что такую позицию, может быть с незначительными изменениями, нацисты занимают по отношению ко всем людям не арийского происхождения. С подобными субъектами спорить нельзя.

Гитлер

Если б мне надо было дать характеристику Гитлера в нескольких словах, я бы сказала, что это самый фанатичный, стоящий почти на грани безумия, человек из всех государственных деятелей современного мира. Этот одержимый маньяк подчинил себе германский народ, получив финансовую и моральную поддержку элементов, издавна недовольных демократическим строем, — юнкеров, помещиков, крупных промышленников, банкиров, консерваторов всех мастей, жаждущих «надежного» правительства, и даже свергнутых Гогенцоллернов. Он пришел к власти, кое-как замазав следы совершенного им поджога, поддержанный гангстерами, и пообещал рабочему классу свободу, а буржуазии — процветание. Все эти факты теперь достоверно известны, но о них не мешает вспоминать сейчас, когда предательство за предательством все больше и больше ставит под угрозу европейскую цивилизацию и когда силы реакции действуют в каждой стране, включая и нашу Америку.

Безумие, подлость, полное отсутствие ума, интеллекта ясно написаны на лице Гитлера, и относиться к нему объективно просто немисливо, если знаешь внутреннюю подоплеку его поступков и весь секретный механизм гитлеровской государственной машины. У Гитлера есть умные, дьявольски хитрые советчики вроде Нейрата, Дикхофа и других лиц из министерства иностранных дел, которые пользуются репутацией людей, более умеренных, чем сам Гитлер. Глядя на его жесткую куляцию, на торжественный шаг, которым он проходит вдоль строя, на его приветствия беснующимся толпам, действующим как наркотик на его больной мозг, убеждаешься, что курс лечения у психиатра — вот что нужно этому человеку, кото-

рый стоит во главе могущественного государства и угрожает всему современному миру. Мечты о власти и славе наложили отпечаток на его лицо и фигуру; по всей вероятности такой же отпечаток они наложили и на его мозг. Он считает свою волю и свою мудрость безупречными, не знающими себе равных, неоспоримыми. Гитлер бывает то изворотлив, как кошка, то жесток и напорист, как бык; он плетет тщательно разработанные, сложные интриги, которые могут родиться только в мозгу безумца; его замыслы — плод лихорадочной работы мысли, злобной и ребяческой по самой своей сути. Он отправится в поход с целью создать фашизированную Европу и гитлеризированное фашистское государство, даже если надо будет идти по колено в грязи, в крови, прямо в крошечный ад опустошенной войной Европы. Все это можно прочесть у него на лице, дряблом и дегенеративном, несмотря на властную мину; можно подметить в его наполеоновской походке. Таковы факты, которые признают все дипломаты, все сколько-нибудь внимательные наблюдатели, имевшие возможность в течение некоторого времени следить за жизнью Германии. Европа и весь остальной мир должны позаботиться о том, чтобы достойным образом ответить Гитлеру, пока еще не поздно.

Подавляющая часть вины за возврат Германии к варварству и Средневековью падает на его плечи.

Герман Геринг известен всем, как наци № 2, министр-президент Пруссии, министр авиации, глава немецких воздушных сил, фельдмаршал, генерал от инфантерии, глава прусской государственной полиции, рейхсканцлер, председатель прусского государственного совета, управ-

ляющий государственным лесничеством, управляющий государственной охотой (на каждую из этих должностей ему полагается по меньшей мере один мундир). Еще в юношеские годы он жил в атмосфере убийств, крови и ужасов, которыми полна воздушная война. Он упивался своим смертоносным делом; оно оказало огромное влияние на все его инстинкты, исковеркало его интеллект.

Геринг был ранен на войне 1914—18 гг. Хотя многие утверждают, будто он стал наркоманом еще до своего ранения, я все-таки больше склонна верить, что эта привычка появилась у него позднее. Во всяком случае многолетнее пристрастие Геринга к наркотикам — факт общеизвестный. Ему и его эпилептической жене было отказано в праве воспитывать ее ребенка от первого брака именно вследствие болезни матери и нездоровых привычек отца. В 1925 году Геринг оказался в санатории для нервных больных в Швеции (то ли по своему собственному желанию, то ли насильственным путем), где его якобы излечили от наркоманства.

Один знакомый журналист в Берлине уверял меня, что Геринг до сих пор раб своей привычки к наркотикам. Этот человек очень расположен к Герингу, много раз принимал его у себя и вообще постоянно встречался с ним. Судя по его рассказам, ему часто приходилось видеть Геринга, когда тот был под действием кокаина и потом мало-помалу выходил из этого состояния. В общественных местах, на празднествах, парадах, другими словами там, где Герингу приходилось проводить по нескольку часов кряду, его блеск, оживление, энергию часто сменяла тупая пассивность и подавленность, глаза у него мутнели и взгляд устремлялся куда-то вдаль. Все эти факты могут показаться слишком интимными и личными, но они в значительной степени объясняют необузданный характер одного из самых могущественных нацистов и, кроме того, проливают свет на его прошлое, настоящее, а возможно — и будущее поведение.

Издали тучная фигура Геринга кажется нелепой, но вблизи он просто страшен. Когда-то стройный, среднего роста, теперь он превратился в огромную бесформенную мясную тушу. Лицо заплывло жиром; щеки свисают подушками из-под широко расставленных голубых глаз, холодных, как у змеи; подбородок — это что-то невообразимое. Все очертания, вся костная структура исчезли без следа в

Геринг

этой грубой расплывшейся перине, деликатно именуемой лицом. Глядя на нее, становится понятной горькая ирония, лежащая в основе широко известного шуточного определения типичного нациста, который, как говорят немцы, должен быть «худым, как Геринг».

Моя мать с неподражаемым юмором рассказывала одну историю, которая с ней приключилась. Как-то раз на одном из концертов, регулярно устраиваемых итальянским посольством и угнетавших скукой весь дипломатический корпус, ей пришлось сидеть сзади генерала Геринга и, к несчастью, совсем близко. Он был в форме летчика, как говорят, выполненной для воздушных сил Германии по его собственному рисунку. Мундир этот пригнан по фигуре, спереди широко вырезан, а сзади облегает спину как перчатка, оставляя ягодичы открытыми в форме сердечка. Поздоровавшись с Герингом и отойдя к группе других гостей, моя мать обернулась и была потрясена открывшимся ей зрелищем: эти туго затянутые телеса по крайней мере в три раза превышали нормальные человеческие размеры. Когда все расселись по местам, моя мать с ужасом увидела, что Геринг усаживается прямо перед ней, стараясь с наименьшим риском уместить свой зад на крохотном золоченом стульчике. Она замечательно рассказывала о своих тяжелых переживаниях в эти минуты — стульчик того и гляди мог подломиться, и тогда Геринг рухнул бы ей прямо на колени. Гитлер кажется в Германии каким-то пришельцем из другого мира. Ни в его внешности, ни в его образе жизни нет ничего немецкого. Зато Геринг типичный немец. Он жаден, толст, большой обжора и гурман. Он любит женщин и не делает из этого тайны. Он по-стариковски обожает балерин, которые почти неизменно украшают своим присутствием его пыш-

ные приемы. Первый его брак был заключен по любви, и сейчас он тоже счастлив со второй женой, идеальной немецкой фрау, растит здоровую, рослую девочку. Геринг воспитан в традициях войны 1914—18 гг. Геринг — солдат, блондин, ариец, консерватор как в области политики, так и в области экономики.

Геринг не имеет ничего общего с тем человеком, за которого он пытается выдать себя и за которого его выдают другие нацисты; это самый свирепый, самый безответственный и опасный человек во всей нацистской Германии. Он пользуется громадной властью. В случае смерти Гитлера или если бы сам Гитлер сделал его своей правой рукой, Геринг, будучи главой военно-воздушных сил (а раньше и тайной полиции), президентом Пруссии, руководителем Экономического плана и командующим своим собственным довольно значительным полицейским корпусом, мог бы подчинить все своей власти, столь же абсолютно, как сам фюрер. Этот крайне честолобивый, жестокий, холодный, мстительный, лишенный всякой совести человек способен свергнуть Германию в еще более глубокую бездну горя и крови. И поэтому не следует удивляться словам моего отца, который сказал, что после 30 июня этот наци, вместе с двумя другими, никогда не получит от его имени приглашения в американское посольство. После пятилетнего властвования в нацистской партии, которое можно приравнять только к властвованию самого фюрера, Геринг считается потенциальным преемником Гитлера. За это время он успел разделиться со своими врагами, такими как фон-Шлейхер, фон-Папен, Шахт и некоторые консерваторы из военного командования. Геринг не останавливался ни перед убийствами, ни перед какими-либо другими способами уничтожения своих соперников. Анализируя нацистскую политику, навью было бы думать, что Геринг не является одним из главных инициаторов той кровавой бани, которая была устроена группе Рема — Шлейхера, и ее прусского финала. Геринг занимает самую крайнюю позицию в нацистской партии. Его фанфаронство и хвастливость, которые кажутся многим такими безобидными и забавными, на самом деле таят в себе тягу к власти, столь же безудержную и разрушительную в своей силе, как и у самого Гитлера.

Его совершенно очевидное участие в поджоге рейхстага и последующее унизи-

тельное поведение на лейпцигском процессе с полной очевидностью показывают, какими методами пользуется Геринг для достижения своих собственных целей и целей партии, которой он принадлежит и от которой зависит его существование. Командование рейхсвера относилось к Герингу свысока и с некоторой завистью, но недавний разгром рейхсверовцев очень сильно сыграл ему на-руку. Одним из его злейших врагов был Шахт, который с самого возникновения нацистской партии считался ее самым верным членом и помог Гитлеру захватить власть в сумятице 1932—1933 годов. Но у Шахта оказались несколько иные взгляды на экономическую политику «Третьей империи», чем у Геринга. Прошлой осенью всем бросилось в глаза отсутствие Шахта на заседаниях кабинета, а вскоре после этого он был окончательно смещен с поста. Заводы Геринга «Герман Геринг эйзенверке» заняли центральное место в новом экономическом планировании, а самому Герингу было поручено руководство так называемым четырехлетним планом. В этой «четырёхлетке» с наибольшей полнотой сказалась самоубийственная экономическая система нацистской Германии. Путем колоссальных затрат к концу четвертого года страна должна была стать самодовлеющим производственным целым. Нажим на все национальные ресурсы и на карман обывателя все еще чувствуется и будет чувствоваться, несмотря на присоединение богатых районов Чехословакии. Шахт восставал против этого безрассудного плана и получил отставку.

Сейчас все в Германии изготавливается из заменителей, начиная с самых простейших предметов домашнего обихода, продуктов питания, одежды, и кончая такими основными в экономике страны вещами, как газ, каучук, нефть, а за последнее время и железо. Затраты, которых требует искусственное производство всех этих продуктов, колоссальны, и даже при наличии строжайшей системы финансового контроля, не экономичны, сопряжены с большим риском и в конце концов не поддаются учету.

Судя по агрессии в Испании, Китае, Абиссинии, Австрии и Чехословакии, единственным для фашистов способом ослабить напряжение, которое испытывают их страны в результате автаркической политики, является экономический империализм. Но и он сулит им еще большие тяготы, потому что для эксплуатации

оккупированных стран нужны материалы и деньги. Таким образом создается порочный круг, и положение в стране становится все хуже и хуже. Некоторые нацисты, как, например, тот же Шахт, признают, в какой тупик может завести их такая политика: впереди стоит война или полный провал, а, как всем известно, фашистские правители скорее предпочтут войну, чем внутригосударственный крах.

Геббельс

воскресный пикник, заканчивающийся вместе с заходом солнца.

С милитаристской точки зрения в «Третьей империи» нет политика, считая и самого Гитлера, придерживающегося более крайних взглядов, чем Геринг. Он заявляет, что нацистские воздушные силы непобедимы. Но в Испании немецкие и итальянские самолеты проявили себя не так уж блестяще и часто пасовали перед другими машинами, которые в целом были несравненно хуже по конструкции и вылетали в значительно меньшем количестве. Осенью 1938 года Чарльз Линдберг заявил, что германский воздушный флот — лучший в мире. Но самолет только тогда является действительной силой, когда им управляет прекрасный летчик, а то, что имело место в Испании, заставляет сомневаться в качестве этого немаловажного для воздушной войны фактора. Не может быть никакого сомнения, что Советская Россия обладает большим воздушным флотом, а судя по войне в Испании, действует он блестяще, даже тогда, когда противник численно намного превосходит его. По словам всех компетентных лиц, бывших в Испании во время войны, русские истребители не имеют себе равных. Разумеется, окончательного суждения о них вынести еще нельзя. Советские машины полностью проявят себя в решительных боях.

Германии хватит продуктов питания, материалов и военного снаряжения на первые месяцы войны, но в дальнейшем ей придется серьезно призадуматься над этими вопросами. Вот почему там так любят говорить о «молниеносной войне» — измышлении Геринга и некоторых других лиц, старающихся убедить себя и армию, что война в Европе закончится через несколько месяцев. Такова особенность немецкой психологии: в 1914 году Германия и кое-какие другие страны были уверены, что мировая война завершится в полгода. Однако теперь не только Германия, но и другие европейские нации придерживаются на этот счет более пессимистических взглядов, очевидно, убедившись на страшном, горьком опыте, что война не

Геббельса называют мозгом нацистского движения. Резкий, насмешливый, отнюдь не щепетильный, подыгрывающий то правому крылу нацистов, то левому, провозвестник какого-то подобия социализма, неспособного одурачить никого, а меньше всего — простой народ, этот человек, как никто другой, вызывает к себе ненависть и недоверие в нацистском лагере. У этого официального гонителя евреев, редактора газеты, ментора министерства пропаганды и народного просвещения — лицо грызуна и такой же низменный ум.

Каких-нибудь пять футов роста, худоба, волочащаяся уродливая нога, желтое, испитое лицо, длинный узкий череп с нависающим над шеей затылком; большие, торчащие, низко посаженные уши, длинные, жидкие черные волосы, широкий, подвижной рот, грубый некрасивый нос — таков доктор Геббельс, самый не-германский, самый не-арийский представитель нацистского ареопага.

В глазах нацистов хромота лишает человека права на потомство и говорит о том, что сам он является плодом смешанного брака. Если б нацистские законы о стерилизации имели в себе хоть каплю логики и объективности, доктор Геббельс давно давно был бы стерилизован. Но пока что он, очевидно даже со всеобщего одобрения, воспроизводит на свет столько отпрысков своего рода, сколько соглашается выносить его жена. У Геббельса не то три, не то четыре дочери и приемный сын от первого брака жены.

Гитлер и его клика, с которыми Геббельс вошел в контакт еще в те годы, когда нацистская партия только формировалась, не замедлили оценить своеобразные таланты «маленького доктора». Ему подыскали работу, которая, несмотря

на ее усложнение и более широкий размах, по существу и до сих пор остается прежней. Почти все новые кампании, новые лозунги, новые уловки нацистской партии, направленные на то, чтобы привлечь на свою сторону народ, придуманы и проведены в жизнь доктором Геббельсом. Его идеи реализуются в грандиозных масштабах и известны всему миру под названием «нацистских цирковых представлений». Он подвергает цензуре то, что люди читают, то, что они смотрят, то, что они говорят, то, что они слышат, и пытается даже контролировать их мысли и чувства.

Пропагандой и делом народного просвещения можно охватить почти все поле человеческой деятельности. В нацистской бюрократической системе многие департаменты частично дублируют работу друг друга, и, например, молодых чиновников министерства иностранных дел часто можно застать за учебой в министерстве пропаганды. Геббельс сует свой палец почти во все нацистские пироги.

Он держит в своих руках не только всю прессу Германии и всю цензуру, иной раз налагая вето на выступления и декларации своих коллег, но контролирует даже иностранных корреспондентов. Само собой разумеется, что в журналистских кругах Геббельса не терпят, и каждая его дерзкая выходка, каждое оскорбление, о которых подробно дается знать за границу, только усиливают атмосферу откровенной неприязни, ни в какой мере не поднимающей нацистскую Германию в глазах всего света. Ум у Геббельса острый, как рапира, но брань, которая сыплется у него с языка, до такой степени ядовита и отвратительна, что мало кто способен уважать интеллект, культивированный им с таким старанием.

Геббельс — это «ум», это «демон» «Третьей империи». Но вряд ли какой-нибудь другой человек сделал столько, сколько он, чтобы дискредитировать Германию в глазах мира, — разве лишь сам Гитлер. Спора нет, Геббельс пользуется в Германии большим влиянием и известной властью, но его потенциальная злобность умеряется тем фактом, что он совершенно непопулярен. Геббельса не любит не только его самый злой соперник — Геринг, но и другие коллеги, вроде Розенберга, рейхсверовцы, народные массы, консервативная клика, аристократия и даже интеллигенция, среди которой ему так хотелось возвыситься и завоевать се-

бе восхищение. В штурмовых и охранных отрядах последователей у Геббельса тоже не много, а своих войск и полиции у него нет. Положение, которое он занимает в стране, незавидное, и разве только один Гитлер отводит ему уголок в своем сердце. Большинство нацистов полагает, что Геббельс человек незаменимый там, где дело касается пропаганды и воздействия на психологию масс новыми, еще не испробованными методами. Кроме того, коллеги Геббельса, несмотря на лелеемое в глубине души желание выжить его с насиженного места, считают всякую другую замену опасной. Гигантский пузырь нацистской пропаганды, раздутый Геббельсом до совершенно грандиозных размеров, может лопнуть, взлететь на воздух, если к нему прикоснутся чьи-нибудь чужие пальцы.

Геббельс живет и работает исключительно по милости Гитлера и продолжает измышлять все более и более сложные махинации, осуществляя свои пропагандистские идеи и прекрасно зная, какая судьба его ждет, если Гитлер сойдет со сцены.

«Ангрифф» — газета, которую редактирует Геббельс, пестрит кричащими заголовками, проводит беспощадную антисемитскую политику, нападает на другие страны и их представителей, с дотошной точностью следует малейшим изменениям нацистской политики, внутренней и внешней, сформулированной, конечно, с помощью редактора «Ангриффа». Эта лживая, сумасбродная, острая, небрезгающая руганью и пропитанная какой-то извращенной логикой газета, вместе с официальным органом «Фелькишер беобахтер» служит образцом для всей остальной немецкой прессы.

Большинство немцев, с которыми мы встречались в Германии, угнетало нас своей нудностью, неповоротливостью; многие из них были совершенно не развиты, боялись каждого лишнего слова или до такой степени пылали нацистским фанатизмом, что о сколько-нибудь культурной, веселой или интересной беседе с ними нечего было и помышлять. Геббельс является исключением. Геббельсу следует отдать справедливость: он в совершенстве постиг искусство казаться не тем, что он есть на самом деле. Генерал Геринг таким талантом не обладает. Геринг и Геббельс имеют обыкновение устраивать ежегодные приемы для дипломатического корпуса, журналистов, чле-

нов правительства, иностранцев и берлинского высшего общества. И все уже давно заметили, что ни тот, ни другой не появляются на приемах, которые устраивает его соперник. Один из вечеров Геббельса, назначенный после пышного «циркового представления», данного его врагом, превзошел собой по изощренности все, что мне приходилось видеть в Берлине.

На остров, находившийся на одном из живописных озер около Берлина, было приглашено несколько тысяч человек. Там их ждал парадный прием, обед и балетное представление. Гости проезжали на остров по мосту, который был наведен с берега и поддерживался по бокам людьми с лодок. Сам остров прорезали из конца в конец бесчисленные аллеи, бегущие среди деревьев и по холмам. Над головами тянулись цветные фонарики, а вдоль аллей стояли молоденькие девушки, одетые пажами. На широкой поляне были накрыты столы и сооружена эстрада для балета. Поляна тоже освещалась фонариками, а в густой темной листве сидели огромные искусственные бабочки, освещенные изнутри. На столах сложным узором были уставлены винные бокалы и бесконечные блюда с самыми дорогими деликатессами. К концу обеда зажгли фейерверк, — куда более грандиозный, как я позднее убедилась, чем национальный французский фейерверк в день 14 июля, — закончившийся оглушительным взрывом и грохотом, что невольно навело всех на мысль о бомбардировках. Намек был настолько прозрачен, что многие дипломаты, сидевшие за нашим столом, не оставили этого без внимания и сочли себя оскорбленными, увидев во всей этой затее угрозу самого дурного пошиба. После обеда нас угостили балетом и чем-то вроде обозрения. Мы не досидели до конца и, стараясь не привлекать к себе внимания, попрощались с оживленным, улыбающимся, очень довольным хозяином. Геринг на этом фестивале не появился.

Среди берлинцев было много разговоров о стоимости этого грандиозного праздника, сопровождавшихся злыми комментариями относительно их собственных жизненных условий и вопросами, куда идут деньги, собранные в фонд «Зимней помощи».

Геббельс полностью доказал свой талант пропагандиста и «просветителя» в организации такого представления как нюрнбергский съезд нацистской пар-

тии. Он бесспорно обладает интуитивной сообразительностью, опытом, смелостью, умением вызвать массовую истерию, и эти качества делают его действительно бесценным человеком для нацистов, которым нужен нескончаемый поток цирковых зрелищ, чтобы не оставлять фашистские массы без развлечений.

Балтийский немец Альфред Розенберг занимает второе место после Геббельса по той ненависти, которую питают к нему в Германии. Его ненавидят и Геббельс, чувствующий в нем соперника в области пропаганды, и Геринг. Так же, как и в случае с Геббельсом, фавором Розенберг пользуется главным образом у Гитлера. Этот заслуженный наци создал культурную и расистскую мифологию фашистского режима. Мистик, психопат, он является автором самой напыщенной, самой пустой и болтливой книги, когда-либо появившейся в этой, да, пожалуй, и во всякой другой области. «Миф двадцатого века» — это собрание лжи и нелепейшего теоретизирования, именуемого нацистской философией. Однако сам фюрер так восторгается автором этого творения, что ему поручено все руководство иностранной политикой фашистской партии.

Вряд ли кто другой из нацистов питает такую ненависть к Советскому Союзу и вместе с тем так боится его, как Альфред Розенберг. Его теория «Drang nach Osten» — признанная догма нацистской религии. Розенберг ничего так не хочет в жизни, как онемечить все население на западной границе России и потом ограбить Советский Союз, присоединив Украину к Германии. По всей вероятности ненависть к коммунизму зародилась у Розенберга еще в те дни, когда он увидел, что такое настоящая революция. Во всяком случае после отъезда из Ленинграда в 1919 году мозг у него уже лихорадочно работал над претворением в жизнь испуленных мечтаний о тевтонском великолепии и браанных победах. В бредовых сновидениях перед ним встает необъятная германская империя, растянувшаяся на весь европейский и даже на азиатский континент. Рослые, сильные германские герои с развевающимися светлыми волосами, со сверкающими доспехами, украшенными свастикой. Великолепные, чистой воды варвары, поклоняющиеся богу отваги — Тору, вихрем проносятся по лицу земли, прославляя новое боже-

Розенберг

ство — Гитлера, рыхлого, дряблого человека с маленькими усиками, истощенным голосом, с прядью темных волос, спадающей на лоб — незадачливого, отчаянно жестикулирующего маляра.

Кроме мечты о завоевании Востока и возрождении религии старой Германии, Розенберг стоит за полное уничтожение еврейского народа. Все это — бред сумасшедшего, но разве в нацистской Германии можно отличить нормального человека от безумца? Многие немцы принимают розенберговский бред вполне серьезно. Розенберга ненавидят как крайние левые круги фашистской партии, так и консерваторы, но, несмотря на это, его идеи ежедневно преподносятся германскому народу и находят себе отклик среди его нацистских элементов. Если постараться более или менее серьезно объяснить все это, то нужно будет признать, что Розенберг — сумасшедший, выпущенный на свободу, и, кроме того, давнишний близкий друг Адольфа Гитлера, который полностью подписывается под всеми его теориями. Больше того — нацисты не только следуют за Розенбергом в вопросах расовых и религиозных, но и устремляют свою военную агрессию в указанном им направлении. Взоры армии устремлены на Восток. Сам Гитлер совершенно откровенно зарится на Украину. Лиги «Германского рыцарства» заплотнили все пограничные районы в Прибалтике. В балтийских странах ведется широкая нацистская пропаганда. Там сооружаются военные и летные базы. Даже Финляндия готова предоставить нацистам свои острова в качестве опорных военно-воздушных баз и сажает фашиста барона Маннергейма на высокий государственный пост. Нацистская Германия осуществляет на практике то, что Розенберг обосновывает «идеологически».

Я встретила этого странного субъекта как-то раз за завтраком в английском посольстве. Розенберг занимал место рядом с супругой посла. Я с удивлением заметила, что он сидит молча, почти не открывая рта. Ему, вероятно, вспоминалось фиаско, которое он потерпел во время своего предпринятого в неурочный час визита в Англию. Считая себя в некотором роде полномочным представителем министерства пропаганды, он прежде всего возложил венок на памятник погибшим в мировую войну. Англия повернулась к нему спиной, и он возвратился во-свояси несколько приунывший и с тех пор уже не рисковал переступить границу своей новой родины — Германии. Этот худощавый блондин, самоуверенный почти до грубости, хмуро оглядывал всех сидевших за столом в посольстве, и мне казалось, что если улыбка вдруг осмелится появиться на этом каменном лице, оно не выдержит и разлетится вдребезги. Надутый, словно ребенок, у которого отняли конфету, Розенберг был совсем непохож на того рыцаря в сверкающих доспехах, на того великана — образец арийской доблести, каким он мысленно рисовался самому себе.

Иоахим фон Риббентроп, теперешний министр иностранных дел, женат на дочери крупнейшего владельца заводов по выделке шампанского. Он унаследовал приставку «фон» от бездетной тетки. Этот вино-торговец, не имеющий никаких особых талантов, ни определенной профессии, ни к чему не проявлял особых склонностей до тех пор, пока его не отыскал Адольф Гитлер. Хорошие манеры, знание языков (французского и английского), богатство и преданность помогли ему сделаться чем-то вроде дипломатического мальчика на посылках при особе Гитлера. Он выполнял всевозможные поручения фюрера и не раз доказал свою полную надежность. В 1935 году Риббентроп возглавлял германскую делегацию в Англию для подписания англо-германского морского пакта. Вскоре после этого Риббентроп, очевидно в виде награды, получил назначение на пост германского посла в Англии. Его поведение в Лондоне было до такой степени неуклюже, что многие враги нацизма возносили молитвы господу, надеясь в недалеком будущем увидеть Риббентропа официальным представителем нацистской Германии в Англии. Самую

Риббентроп

грубую ошибку Риббентроп совершил на приеме у короля — он приветствовал его возгласом «Хайль Гитлер!» Англичане, зная Риббентропа по отзывам из Берлина, отнеслись к нему с таким презрением, что, можно сказать, почти не допустили его в общество. Риббентроп считался шуморешем и фанатиком, а чопорная, сдержанная, аристократическая Англия относится к таким персонам весьма неодобрительно.

Во время больших перетасовок в военных и дипломатических кругах Риббентропа отозвали в Берлин и посадили на место фон-Нейрата. Между этими двумя наци всегда чувствовалось соперничество, и в дипломатическом корпусе, а также среди журналистов, уже за несколько лет до подлинных событий предсказывали, что Риббентроп выживет Нейрата. Риббентропа считали опасным и фанатичным нацистом, иностранная политика которого приведет Германию к гибели, если Гитлер будет ориентироваться на нее. Фон-Нейрата не любили в германском министерстве иностранных дел, но перспектива работы с Риббентропом была настолько непривлекательна, что большинство дипломатов, хотя бы внешне, мирилось с Нейратом. Помню, как мой отец уверял, что он подаст в отставку, если Риббентроп будет назначен на пост министра иностранных дел. Он не мог и думать о каких-либо сношениях с ним. К счастью, отец был отозван раньше, и ему не пришлось столкнуться с этой необходимостью.

Я познакомилась с Риббентропом на завтраке, который давало наше посольство. В противоположность остальным гостям, он явился в нацистской форме. Большинство нацистов, как правило, приезжали на дипломатические приемы в штатском и надевали форму только в самых торжественных случаях. Манера Риб-

бентропа здороваться была похожа на какую-то сложную церемонию. Он протягивал руку, делал шаг назад, не отпуская вашей ладони, потом вытягивал свою руку по шву и вдруг быстро поднимал ее, салютуя по-нацистски и чуть-чуть не задевая вас по носу. Все это время он смотрел на того, с кем здоровался, так пристально, словно старался загниотизировать его. Весь этот ритуал Риббентроп проделывал в полном молчании. Мне эта процедура казалась крайне нелепой, и я еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться. Помпезность и размеренность каждого жеста, аффектация, с которой он проделывал все это, разумеется, привлекали к Риббентропу всеобщее внимание, а ему, очевидно, только это и требовалось.

Фон Риббентроп — наци, экстремист и сноб. Отличаясь не столько умом, сколько поистине кошачьей пронырливостью, он несет на себе всю ответственность за нацистскую иностранную политику и, пробираясь к власти, успел нажить почти столько же врагов, сколько сам Розенберг.

ГИТЛЕРОВСКАЯ ГЕРМАНИЯ — НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Я думаю, что большинство американских граждан читало сообщения, характеризующие фашизм вообще и сообщения из фашистской Германии, а следовательно, достаточно хорошо знает, что там существует система террора, не знающая примера в истории. Дильс гордился сплетенной им сетью шпионажа. От него она перешла по наследству к Гиммлеру. Правая рука Гиммлера — Гейдрих; один журналист в разговоре со мной назвал его самым подлым и извращенным человеком, какого он когда-либо встречал. Сам Гиммлер, по словам австралийца Робертса, автора книги «Дом, построенный Гитлером», делает погоду в Германии; Робертс утверждает даже, что благодаря могуществу, которое дает ему положение главы гестапо, Гиммлер является единственным логически мыслимым преемником Гитлера, Гиммлер был раньше никому неизвестным школьным учителем с запятанным прошлым; теперь он мастерски и беспощадно орудует рычагами тайной государственной полиции. Но всякому, кто хоть раз видел его или просто отдает себе отчет в той ненависти, с какой относится к нему большинство немцев, в том числе и сами наци, совершенно ясно, что Гиммлер

никогда не мог бы занять место фюрера. Низенького роста, бронет с маленькими черными усиками, он прячет за стеклами очков пронизывающий взгляд крохотных, бегающих глазок хорька. Он неотступно следит за каждым враждебным или просто оппозиционным биением пульса страны.

Фашистская диктатура до такой степени подчинила себе быт, культуру, религию, что народу требуется, быть может, несколько поколений для того, чтобы опять перевести стрелки часов вперед. При такой невиданной в истории, всеобъемлющей и безжалостной диктатуре от нее не может уйти ни одна живая душа. Надзор осуществляется при помощи системы страха и террора, перед которой бледнеют даже утонченно-гнусные методы инквизиции. Поскольку речь идет о человеческой свободе, о правах личности, Германия представляет собою новое Средневековье. Германское государство и германский народ живут по законам первобытной дикости. Возродился принцип «выживания наиболее приспособленных». Путем насилия, варварства, преследований и гнета правители Германии вернули ее к закону джунглей; наиболее низменные и кровавые инстинкты возведены в ранг государственных законов. Нацистские волки пожрали страну.

Можно сказать, что большинство наиболее культурных, ценных и нужных для страны людей давно поспешило покинуть Германию. Наци добились успеха, играя на «социалистических» лозунгах, но когда они пришли к власти, то первым делом уничтожили свободные профсоюзы, которых они имели основания бояться. Вместо них они подарили рабочим национал-социалистские «профсоюзы», стоявшие на еще более низком уровне и еще менее представлявшие экономические и политические интересы масс, чем американские союзы крупных компаний. Рабочие, которых насильно заставляли вступать в эти союзы, не имели никакого голоса при выборе их органов: наци просто назначали кого хотели из своих людей. Рабочим, само собою разумеется, запрещено было критиковать нацистов и бастовать или предъявлять какие-либо требования, чтобы добиться улучшения своего положения. У рабочих вообще отняли всякий голос и заставили покорно принять низкую заработную плату и продолжительный рабо-

чий день. Д-р Лей организовал гигантский «рабочий фронт», в который рабочие обязаны делать взносы; «рабочий фронт» устраивает ежегодные летние поездки, и рабочие могут принимать в них участие, если у них есть достаточно денег и они находятся в достаточно хороших отношениях с наци. Эти путешествия — очень хитрое средство для накачивания нацистскими идеями сотен, а иногда и тысяч людей. Чиновники «рабочего фронта», разъезжая с вверенными их попечению людьми по Европе, разъясняют им, какие земли должны по праву принадлежать Германии, как наци намерены завладеть ими и почему немцы — такой отсюда следует вывод — должны поддерживать все, что делает Гитлер.

За рабочими гестапо следит особенно тщательно. Наци отлично знают, что если только недовольство и сопротивление рабочих выльется в организованные формы, от Гитлера и всей его системы ничего не останется. Тысячи людей — руководителей рабочего класса в догитлеровские дни — были арестованы, убиты, сосланы в концентрационные лагеря. Наци удалось временно разбить рабочее движение. Малейшие попытки сопротивления среди рабочих, в особенности на военных заводах или на родственных предприятиях, искореняются с особенной беспощадностью. Постоянно приходится читать, даже в нацистских газетах, о рабочих, казненных за государственную измену, а всякое несогласие с Гитлером, как известно, считается изменой. Семья жертвы нацистского правосудия, его родственники, его товарищи по работе, если их не заключили в концентрационный лагерь или не убили, не имеют отныне покоя ни в частной жизни, ни на работе. Разгромив массовые организации, которые раньше до некоторой степени обеспечивали политические и экономические права своих членов, и создав густую сеть шпионажа и политического сыска, наци думают, что они задушили все стремления к свободе, столь ярко дававшие себя знать в рядах рабочего класса Германии до прихода к власти Гитлера.

Разумеется, каждый наци — фашист не только по своей идеологии и роду деятельности, но и агент национал-социалистской партии. Ему вменяется в обязанность доносить, если он заметит антифашистские настроения среди своих знакомых, в тех домах, где он бывает. Такой

шпионаж — нередкое явление и в тесном семейном кругу. Один немецкий интеллигент говорил моему отцу, что с тех пор как его сын вступил в нацистскую партию, вся семья не знает покоя. Родители боятся говорить откровенно при сыне и его друзьях, боятся, как бы их личные знакомые, бывая у них в доме, не сказали чего-нибудь при юноше. Такие же отношения существуют и между друзьями, безразлично — мужского или женского пола.

Кроме множества наци, которые считают своим долгом быть тайными агентами нацистской партии, в каждой деревне, в каждой дачной местности, в каждом городе раскинута целая сеть платных агентов гестапо; все они где-нибудь служат и выступают в роли тайных врагов фашизма. В маленьком фабричном городке один служащий муниципалитета распустил среди рабочих слух, будто бы он сочувствует испанскому народу. Через какую-нибудь неделю, завоевав симпатии рабочих и проникнув в их дома, он составил секретное воззвание для сбора денег в пользу испанского правительства. Он успел собрать около пятидесяти подписей, прежде чем его разоблачили и предостерегли рабочих. Но эти пятьдесят фамилий исчезли из фабричных списков и появились в списках одного концентрационного лагеря.

Число агентов гестапо, конечно, возрастает там, где имеется активное сопротивление. Например, у них особенно много провокаторов среди рабочих крупных заводов, в больших городах и среди докеров в приморских портах. Эти люди не только постоянно пристают к рабочим с разговорами о политике, но и стараются вызвать разногласия между ними. Если на заводе есть руководители рабочего движения, они прилагают все усилия, чтобы обнаружить их и их товарищей. Провокатор является, быть может, самым злостным оружием шпионажа. Например, рядовой служащий на заводе естественно недоволен долгим рабочим днем, низкой оплатой труда, все растущей дороговизной жизни, — а все это неизбежно в условиях фашистской экономки, сколько бы наци ни занимали территорий, изобилующих сырьем и природными богатствами. И если кто-нибудь делает вид, что сочувствует ему и соглашается с ним, то он невольно делится своими мыслями и даже планами на будущее. Со временем он узнаёт, что такие сочувствующие — опас-

Гиммлер

ный народ. Но самое главное заключается в том, что таким путем создается напряженная атмосфера страха и подозрений, в которой невозможно ни нормальное человеческое общение, ни доверие, ни лояльность. Вся страна объята психозом террора.

Агенты гестапо бывают особенно активны в дни выборов. Им известно, кто в каком-то округе, городе или поселке совсем не подает голоса или подает неохотно. Агент подслушивает разговоры около урн во время выборов, а после выборов — в ресторанах и пивных. Он вызывает людей на откровенный разговор и, если это ему удастся, принимает меры, чтобы виновные как можно скорее понесли наказание. Иногда «преступников» вызывают в местный штаб наци, иногда тут же арестовывают и отправляют в лагерь, иногда хватают ночью на квартире.

Во время моего пребывания в Германии мне не раз приходилось слышать от очевидцев об одном приеме наци: агент гестапо приезжает в деревню, узнает, кто из жителей больше всего нуждается и запаздывает с уплатой налогов и партийных взносов, потом является к одному из таких бедняков и обещает ему, что с него не будут взыскивать налоги и освободят от других долговых обязательств, если он в течение двух-трех недель будет доносить о поведении своего соседа. Доведенный до отчаяния человек соглашается, думая, что можно будет сообщить какие-нибудь пустяки, которые не повредят его соседу, и гестапо поверит, что больше ему ничего неизвестно. Через две-три недели агент является к нему, выслушивает доносение, говорит, что все налоги за него внесены, и опять дает поручение в том же роде. Бедняга отказывается, говоря,

что это не входило в условия, и что он и раньше согласился только потому, что у него были не уплачены налоги.

Если он отказывается наотрез, агент угрожает, что выдаст его односельчанам, разоблачит как шпиона гестапо и погубит его. Это, разумеется, только один из тех трюков, которые гестапо пускает в ход, чтобы запутать невинных людей. Если целый департамент занят обнаружением мелких признаков недовольства, а нацистская партия тратит на это большие средства и содержит огромный аппарат, то не удивительно, что в результате сотни тысяч людей попадают в концентрационные лагеря. Наблюдатель может только удивляться, что недовольство и оппозиция, и в организованных формах и стихийно, все еще существуют во всех слоях населения.

Среди высших классов гестапо ведет такую же упорную и беспощадную слежку, как и среди рабочих, хотя это делается, быть может, в более утонченных формах. Но следует сказать напрямик, что где бы ни обнаружилась настоящая оппозиция, у гестапо всегда один и тот же способ для расправы с ней: ликвидация. Среди так называемых обеспеченных классов провокаторов даже больше. Профессора, художники, ученые, интеллигенты не могут уже свободно обмениваться мнениями. Мелкие торговцы и буржуазия вообще должны постоянно остерегаться подозрений и ложных доносов, опасаться продавать свои товары евреям и общаться с лицами, которые не преданы Гитлеру безраздельно. Даже члены семейства Гёгенцоллернов не доверяют старым и надежным слугам и следят за каждым шагом новых.

Опыт нашей семьи с телефонами и диктофонами может послужить примером утонченной слежки, которая ведется всегда и всюду, даже среди дипломатического корпуса. В числе наших слуг не было ни одного, при ком мы могли бы говорить свободно. В течение целого года после нашего приезда в Германию, мы считали слухи о работе тайной полиции сильно преувеличенными. Но со временем мы убедились в том, что сведения о нашей частной жизни могут идти только из нашего дома. Наши письма без церемонии вскрывались на границе под предлогом, что в них могли быть вложены деньги. Даже письма со штампом посольства вскрывались и задерживались. Когда мой отец заявил протест, немецкое министерство иностранных дел ответило, что это

было чистой случайностью и пообещало наказать виновника. Впоследствии мы и сами увидели, что это было «чистой случайностью» — письма вскрывались гораздо аккуратней, почти незаметно. Во всяком случае, нам даже не приходило в голову посылать сколько-нибудь откровенные письма не с дипломатическим курьером, хотя бы на них и был штамп посольства. Но, как я уже говорила, даже этот путь был не совсем надежен. Скорости ради наши письма отправлялись с немецким пароходом. Отец несколько раз намекал американскому министерству иностранных дел на то, что дипломатическую почту перлюстрируют и что он советует посылать ее с более надежным пароходом. Насколько мне известно, его совета не слушали. Мой знакомый, служивший в иностранном посольстве, рассказывал мне случай с двумя дипломатическими курьерами. Один из них был немец, другой — иностранец, оба они ехали в одном направлении и везли очень важную почту. Дождавшись поезда на вокзале, немец предложил иностранцу пойти пообедать, а он постережет в это время обе сумки! Одна немка спросила мою мать, не знает ли она, как лучше переправить секретное письмо дочери в Америку. Мать предложила ей отправить письмо через какое-нибудь иностранное посольство. Та засмелась и сказала, что это не годится, ей нужен более надежный путь.

Тиргартен, этот красивый старинный парк в центре Берлина, использовался не только для катания верхом, демонстраций туалетов, воскресных пикников и прогулок с собаками, но и для тайных переговоров между дипломатами и чиновниками, которые не считали удобным вести эти переговоры у себя дома или на службе. Мой отец прогуливался там с другими послами, пока у них не явилось подозрение, что за ними следят и в этой чудесной романтической обстановке.

Разумеется, за русским и французским посольствами следили не менее тщательно, чем за американским и английским. Мне говорили, что шпионы расставлены и на улице перед посольским особняком, и в самом доме, для того, чтобы доносить обо всех посетителях, о количестве машин, о продолжительности визитов, наравне с более важными делами. Несколько раз следили и за мной, когда я выходила из посольства, и я с большим удовольствием заводила мою «тень» в самые неинтересные и нелепые места.

Мы с братом, в общем, относились к такому положению достаточно серьезно. Но иногда наше давно утраченное чувство юмора прорывалось, и мы начинали разговаривать с друзьями (разумеется, не немцами) на тарабарском, очень грозно звучащем языке. Мы знали, что каждое наше слово тщательно записывают на пластинки, и надеялись, что расшифровка наших «разговоров» задаст хорошую работу наци. Сознаюсь, такое отношение очень не серьезно, но оно помогало выносить ужасный гнет, к которому мы так и не в состоянии были привыкнуть.

Когда мой знакомый, имевший связи в нацистских кругах, звонил мне по телефону, он каждый раз называл другую фамилию, и мы заранее выработывали условный язык, чтобы наш разговор о месте и времени встречи нельзя было подслушать по телефону. Мы оба знали, что все посольства находятся на подозрении, и что в особенности тщательно следят за американским посольством, так как отрицательное отношение моего отца к фашистской диктатуре было известно.

Хотя мы были убеждены, что диктафоны установлены у нас в доме — быть может, до нашего приезда или во время нашего отсутствия — мы иногда разговаривали в тех комнатах, где не было телефона. Один из моих знакомых отказывался разговаривать даже на террасе, выстроенной целиком из стекла и черепицы, где нигде было бы спрятать провода.

Совершенно невозможно передать на бумаге, до чего доводила человека эта система шпионажа. Хотя мы пользовались привилегией экстерриториальности и знали, что немцы не посмеют причинить нам особые неприятности, что бы мы ни говорили, все же наши семейные беседы носили такой натянутый и стесненный характер, что мы совершенно перестали походить на нормальную американскую семью. Когда нам нужно было что-нибудь сказать, мы сначала заглядывали и во все углы и за двери, и говорили шепотом, остерегаясь диктафона. Одна из моих приятельниц, очень милая немка, ненавидевшая нацистский террор, иногда таинственно уводила меня в ванную — где тоже трудно спрятать провода — и едва слышным шепотом рассказывала какую-нибудь сенсационную новость. И такую жизнь вынуждена была вести четыре года средняя американская семья в условиях фашистской диктатуры!

Мы боялись не только за себя, — ибо, разумно это или нет, мы все же опасались и за собственную жизнь, — но и за людей, которых мы принимали у себя, и за тех, которые служили нам источником информации.

Если такая атмосфера существовала в доме представителя одной из самых свободных стран мира, то можно себе представить, как невыносимо мучительно жилось в доме какого-нибудь свободолюбивого немца. Даже теперь, через годы после отъезда из Германии, я никак не могу отучиться от прежних привычек и нередко бессознательно слежу за прислугой и понижаю голос, если собираюсь говорить откровенно. Подозрительность и боязливость укоренились в нас настолько глубоко, и нервная система перенесла такое напряжение, что понадобится много лет на то, чтобы забыть об этих мучительных переживаниях.

Нет сомнения, что среди германского народа существуют организованные формы оппозиции, и это показывает, что человеческая смелость и вера в свою правоту проходят невредимыми и через такие испытания.

Коммунистическая партия, получившая около шести миллионов голосов, когда Гитлер пришел к власти, теперь полностью реорганизована. Разумеется, не все эти шесть миллионов — коммунисты, тем не менее, это очень сильная партия. Все вожди, не успевшие скрыться, были расстреляны Гитлером или сидят в тюрьме. Старое руководство уничтожено, и на его место стало новое, которому приходится держаться очень осторожно. Ячейки компартии имеются на каждом германском заводе, в каждом германском городе; они являются самой активной, организованной и боевой политической оппозицией, имеющей определенную программу.

Часто приходится слышать о забастовках — о них никогда не пишут в немецких газетах. Иногда эти забастовки кончаются победой, и нацистские профсоюзные главы бывают вынуждены удовлетворить требования рабочих, но чаще забастовки пресекаются в самом начале, и с забастовщиками жестоко расправляются тут же на месте. Общая тактика всех политических группировок, враждебных фашизму, сводится к тому, чтобы проникнуть в ряды наци и, если возможно, привлечь их на свою сторону или до-

биться назначения на важные посты опытных и смелых людей, на преданность которых можно рассчитывать. Я знаю во многих министерствах чиновников, настроенных враждебно по отношению к нацистскому правительству. То же относится и к рабочему населению.

Еще в Германии я слышала о двух политических организациях, которые вели антифашистскую пропаганду путем распространения литературы. Эта литература скрывается под безобидными обложками, под заголовками новых фашистских романов и трактатов, и даже несколько первых страничек соответствуют заглавию. В середину вкладывается другой печатный материал, набранный мелким шрифтом. Формат очень небольшой и удобный, рассчитан на то, чтобы один экземпляр могли прочитать десять-двадцать рабочих. Тысячи таких книжечек, брошюр и листовок циркулируют по всей Германии; их переправляют из-за границы, но многое нелегально издается и в Германии. Тех, у кого находят такую литературу, карают очень сурово, и можно себе представить, сколько нужно отваги и пламенной энергии для того, чтобы читать и распространять эти книги.

С год или два в Германии работала подпольная радиостанция. Когда наци в конце концов разыскали ее, то все радисты были расстреляны. Вскоре после этого радиостанция возобновила свою работу. Говорили, что она помещается на грузовике. Народ в Германии мог слушать ее передачи, и слушали очень многие, но за это арестовывали и сажали в тюрьму. Немцам было запрещено слушать передачи из России, и наци всячески старались их заглушить. Однако, имея хороший приемник, можно было довольно явственно улавливать эти передачи и принимать их на короткой волне. Хотя риск был очень велик, мне известно, что многие немцы — и рядовые обыватели, и важные лица — постоянно настраивали свои приемники на Москву, частью из любопытства, частью из все возрастающего сочувствия. Такие приемники стоили очень дорого, и потому рабочие не могли слушать Москву. Однако те немцы, которые не в состоянии были покупать дорогие приемники, начали делать свои собственные, дешевые и маленькие, но помогающие им сообщаться с внешним миром.

Всякая весть из внешнего мира желанна, как свежее веяние свободы, и многие готовы идти на любой риск и пожертвовать многим, лишь бы узнать хоть крупицу правды.

Распространение слухов — испытанный прием, который с момента прихода Гитлера к власти пускается в ход во всех случаях для дискредитации внешней и внутренней политики Гитлера и противодействия ей. Иногда эти слухи принимают форму анекдота, иногда это просто факты, передаваемые как они есть, в противовес так называемой «правде» Гитлера.

Ось Берлин — Рим никогда не пользовалась популярностью среди немецкого народа. Люди не понимали, почему Гитлер возвеличивает Муссолини и итальянцев, которые, во-первых, выступали против Германии в мировой войне и, во-вторых, несомненно относятся к низшей расе, согласно фантастической расовой теории Гитлера. Анекдоты на эту тему есть и забавные (где каламбур построен на слове «ось» — ржавая, скрипучая или сломанная) и серьезные.

Эти слухи и анекдоты, пагубные для Гитлера и разоблачающие такие «благотворительные» затеи, как «зимняя помощь» (фонд, который тратится неизвестно на что), высмеивающие Геринга и Геббельса, сеющие недовольство голодным пайком и другими экономическими и политическими условиями в Германии, расходятся по всей стране, от низов и до верхов, от человека к человеку, и вся страна охвачена ими, как пожаром.

В церковных кругах наци ведут преследования с таким же ожесточением, как и среди рабочих. Наци не только пытаются уничтожить католическую церковь, но и неоднократно покушались на протестантскую церковь. Стоит только назвать шумевшее на весь мир дело пастора Нимеллера. Здесь опять-таки наци пренебрегли общественным мнением и осмелились арестовать одного из лучших проповедников в стране. Немец по происхождению, участвовавший в мировой войне и получивший отличие, он не был связан ни одной из оппозиционных политических группировок. Но и того, что он свободно высказывался с кафедры, хотя бы и на политические темы, было достаточно, чтобы его обвинили в государственной измене. Протестантская церковь, несмотря на ее необычайную жизнеспособность и наличие в ее рядах исключительно отважных

людей, вероятно, будет ликвидирована Гитлером. Протестантской церкви еще не приходилось выносить такой жестокой атаки, имеющей целью полное уничтожение протестантизма и религиозных принципов, на которых он базируется. На место протестантской церкви хотят поставить церковь «немецких христиан», основанную на фантастических обрядах и варварских поверьях и легендах.

Совершенно ясно, что если нацисты неуклонно проводят такую политику по отношению к протестантской церкви, то в отношении католической они успокоятся только тогда, когда она будет либо стерта с лица земли, либо подчинена государству до такой степени, что ее нельзя будет даже назвать католической. Католики, с точки зрения Гитлера, гораздо опаснее протестантов — не только потому, что около трети немецкого народа родилось католиками, но и потому, что католическая церковь берет на себя заботу о воспитании юношества. Поэтому Гитлер закрыл все католические школы и заявил самым категорическим образом, что только государство — нацистское государство — имеет право воспитывать юношество и распоряжаться им. Власть католической церкви над католиками — молодежью и взрослыми — вошла в анналы истории. Гитлер, сам родившийся католиком, решил перестроить все это заново, причем житейским и политическим запросам народа должно служить государственное воспитание, а мифические Тор и Валгалла и культ германских героев — его духовным запросам. Становится все более очевидно, что католическая церковь должна немедленно принять какое-нибудь определенное решение: если она сдастся, она погибнет или будет реорганизована в духе, угодном нацистам. Разумеется, большинство бесхитростно верующих католиков едва ли согласится принести свою церковь и свою веру в жертву Адольфу Гитлеру.

Гитлер беспощаден в жестоких гонениях на сановников церкви. Ежедневно читаешь об арестах священников — обычно их без всяких доказательств обвиняют в предательстве или каком-нибудь мошенничестве. Нередко иностранная печать сообщает о казнях этих священников или о заключении их в концентрационный лагерь. С каждым днем к церкви применяются все более жестокие меры ограничения. Но среди католиков, как и среди

протестантов, есть героические люди, — и священники и частные лица, — которые требуют осуществления своих прав на свободу. Бывают даже тайные собрания католических священников и протестантских пасторов, где они вырабатывают программу совместных действий.

Женщины, как правило, не подвергаются жестоким насилиям, если они не еврейки, не коммунистки, или тем или иным образом не являются врагами Гитлера, но они морально, интеллектуально и эмоционально обречены на уничтожение. До прихода Гитлера к власти немецкие женщины начинали освобождаться от господства мужчины и уже представляли собой продуктивный, проникнутый самоуважением элемент общества. Из их рядов выходили руководители и организаторы во всех областях жизни, и они начинали объединяться в духе деятельного, спокойного и уверенного феминизма.

Они участвовали в движениях молодежи, входили в молодежные организации, которыми нацисты завладели немедленно после захвата Гитлером власти. Если там оказывались женщины, возглавлявшие какое-нибудь движение или оппозицию, с ними немедленно и быстро расправлялись. Немецкие женщины переживают двойную трагедию: они принадлежат к двум поколениям — в одном из них, в результате мировой войны, ряды мужчин сократились на 10 процентов, другое произвело на свет сравнительно малое количество детей. В силу этого как в одном, так и в другом поколении нехватает мужчин, что противоречит обещаниям нацистов, сулившим женщинам рай на земле, если они откажутся от всякой общественной деятельности и вернуться к домашнему очагу и к пеленкам.

Молодые женщины и девушки, обращенные в нацистскую веру, вступили в различные женские организации, надели форму и замаршировали, подчиняясь общему духу гитлеровской Германии. Девочки с десятилетнего возраста включаются в организации, где их учат только двум вещам — заботиться о своем теле так, чтобы они могли родить детей столько, сколько требуется государству, и быть верными национал-социализму. Неудивительно, что мы видим теперь молодое поколение женщин, в такой же мере чуждое духовной жизни, как и мужчины, и всецело подчиненное мужчинам и фюреру.

Хотя нацисты из-за недостатка мужчин вынуждены признать, что не все женщины могут вступать в брак, даже если бы все мужчины-немцы стремились к этому — чего на самом деле нет, — они ежегодно выпускают крупные брачные займы, под которые лица, вступающие в брак, могут получать ссуды от государства с долгосрочной выплатой, от которой они освобождаются совершенно, как только родят достаточное количество детей. Противозачаточные меры преследуются и фактически воспрещены.

Однако, несмотря на все эти поощрения, статистика браков и рождаемости в Германии все еще не удовлетворяет Гитлера. Хотя женщинам запрещается пользоваться своим интеллектом, все дороги для них закрыты, руководительницы женского движения преследуются, подвергаются всяческим издевательствам и не имеют доступа ни к какому рода деятельности, все же существуют миллионы женщин, которые вынуждены зарабатывать себе на пропитание таким же тяжелым трудом, как и их мужья. С горчайшей иронией относятся они к иступленным требованиям Гитлера родить как можно больше детей. Материальные льготы, предоставляемые им, могут, в лучшем случае, облегчить несколько первых месяцев ухода за ребенком, а затем им приходится выжимать последние гроши из своих кошельков на расходы питания, крова и дальнейшего ухода за детьми.

Женщины вынуждены работать за гораздо более низкую оплату, чем мужчины. Их принимают на работу или увольняют по мере надобности.

Большинство женщин из среды мелкой буржуазии и из рабочего класса, вопреки обещаниям о «чисто-женской работе», вынуждено попрежнему заниматься тяжелым трудом после того, как их заставили вступить в брак и родить детей, не считаясь с тем, имеют ли они на это средства или нет. Страна, которой требуется только одно, — иметь как можно больше солдат и граждан, неизбежно превращает своих женщин в бессловесную тварь, в примитивную самку. Несмотря на то, что Гитлер и прочие нацисты вечно вопят о Volk ohne Raub¹, они приказывают своим мужчинам и женщинам родить как можно больше детей. Это несомненно является еще одним доказательством основной

экономической непоследовательности нацизма и ясно показывает всему миру, что Германия одержима безумной идеей мировой экспансии, которая по своим масштабам может сравниться только с ее идеей истребления человечества.

Гитлер и его клика неоднократно заявляли: «Либерализм выставляет много пунктов, касающихся равноправия женщин. Программа нацистов содержит только один: деторождение. В то время как мужчина совершает высочайший акт самопожертвования на поле боя, женщина вступает в этот высочайший бой за свою страну, когда она дает жизнь ребенку»; или: «На женщину в жизни народа возлагается великий долг: забота о мужчине, его душе, теле и духе. Назначение женщины — заботиться о семейном очаге, о всех жизненных нуждах мужчины с первой до последней минуты его существования...» И наконец: «Новая политическая действительность складывается таким образом, что немецкая женщина отныне будет жить в государстве, созданном и возглавляемом духом мужчины, в государстве, лишенном всякого парламентаризма и раз навсегда установленном, на существование которого... она не будет иметь непосредственного влияния, как это было раньше...»

Таким образом женщины лишены всех прав, за исключением права деторождения и тяжелого труда. Им не разрешается принимать участие в политической жизни — фактически Гитлер намерен лишить их права голоса. Они лишены возможности образования, возможности проявить себя. Всякая карьера, всякая профессия закрыта для них. Они могут называть себя женщинами только лишь в том случае, если они всецело как физически, так и интеллектуально подчиняются желаниям и нуждам мужчин. Дух женщины должен быть укрощен, интеллект атрофирован, всеми чувствами они должны быть преданы наци; они должны систематически беречь, быть сильными физически, образцовыми матерями, рабынями и служанками в своем доме и государстве. Прислужница мужского труда и физических желаний мужчины, нужная государству для автоматического продолжения рода, она поистине отброшена назад на целые века, в те времена, когда женщин продавали и покупали как скот, цена только их здоровое тело и бессловесную покорность. Пройдет много лет, прежде чем немецкая

¹ Народ без пространства (н е м.).

женщина сможет снова поднять голову и почувствовать себя человеком. Нацизм — это темная пропасть, которая поглощает женское достоинство, свободу и будущее.

От немецкого искусства и науки не осталось ничего, до такой степени разрушительны оказались последствия режима диктатуры и террора. Перед приходом Гитлера к власти многие писатели бежали из Германии со своими семьями, бросив все свое имущество. Позднее те, кто не успел выбраться, были брошены в тюрьмы, многие замучены до смерти, как, например, Эрих Мюзам, или отправлены в концентрационные лагеря. Среди них были писатели пацифисты, люди либеральных или социал-демократических убеждений, евреи и марксисты, или люди, так или иначе враждебные правлению изверга Гитлера. И кончилось тем, что в Германии не осталось ни одного крупного писателя, за исключением довольно талантливого Фаллады и старика Гауптмана. Те, которые каким-то чудом не попали под тяжелый кулак Гитлера, вынуждены молчать или должны писать книги, которые удовлетворяют цензуру и одобряются министерством пропаганды.

Театр и кино, лишившиеся всех свих талантливых деятелей-евреев, превратились в нечто крайне заурядное по сравнению с прежним блеском. Само собой разумеется, что все артисты и артистки должны удовлетворять вкусам нацистов. Они должны быть арийцами и соответствовать нацистским идеалам. Они должны выступать в пьесах, которые одобрены или написаны — если это современные пьесы — нацистами, а руководить театром должны соответствующие лица. Время от времени на сцене воскрешаются кое-какие старые пьесы — немецкие классические пьесы, написанные арийцами и прославляющие историю Германии, и иногда Шекспир. Одна из таких пьес была запрещена в Берлине после бурных аплодисментов аудитории во время читки монолога, восхваляющего свободу человека. Большой частью театральный сезон в Берлине так убог, что публика только издевается над каждой премьерой. В современном немецком театре не осталось и следа от того блеска и новизны, которые были присущи ему в дни Рейнгардта.

В кино положение даже еще хуже, если это возможно. Немецкая кинокомедия — это в лучшем случае тяжелая, сентиментальная, труднопереваримая страшица. Чув-

ство юмора никогда не являлось отличительной чертой немцев, а при нацизме, который изгоняет малейшие проблески юмора, это особенно дает себя чувствовать. Кинофильмы более серьезного характера так скучны и до такой степени переполнены восхвалением нацизма и немецких национальных добродетелей, что достаточно посмотреть одну из них, чтобы проникнуться чувством невыносимой скуки. Это поистине трагично, если припомнить, что немецкое кино до Гитлера славилось на весь мир своими смелыми исканиями и художественным исполнением.

Можно было бы предположить, что нацисты, отдавая себе отчет в низком качестве своих картин и упадке театра, попытаются импортировать хорошие заграничные картины. Однако, напротив, те же самые правила и требования распространяются на все картины. Чарли Чаплин запрещен в Германии потому, что он еврей, так же обстоит дело с братьями Маркс и многими другими, как комическими, так и драматическими, американскими кинозвездами. Когда-то немцы носились с Сильвией Сидней. Рекламы с ее изображением красовались на Курфюрстендам, ее фотографии появлялись во всех газетах. На грех какой-то любознательный молодой человек обнаружил, что она еврейка, и с этого времени Сильвия Сидней бойкотируется в Германии. Германская цензура ограничивает импорт не только с точки зрения национальности актеров, но и характера картин. Тем не менее, всякий раз, когда какая-нибудь заграничная картина попадает на экран, она обычно на целые недели, а то и месяцы переживает местную продукцию.

Большинство крупных немецких дирижеров и композиторов изгнано из Германии или покинуло страну по собственному желанию.

Самое собой разумеется, что всякого рода джазы внушают Гитлеру отвращение и страх. Только немногие ночные клубы позволяют себе давать выступление джазов, и джазы эти очень низкого качества. Гитлер разрешает двум-трем таким заведениям существовать в Берлине ради иностранцев и дипломатов, которые живут или приезжают в столицу Германии, — иностранцев, которые широко пополняют казну нацистов. Но разрешение это дано очень неохотно и может быть взято обратно в любой момент.

Фрицу Крейслеру, венцу с мировой известностью, запрещено выступать в Гер-

мании, хотя он и живет там со своей женой американкой. Возможно, что нацисты учуяли каплю еврейской крови в нем или в его жене — может быть, он высказывался когда-нибудь против Гитлера.

Кое-кто из зарубежных музыкантов еще приезжает в Германию, но многие, даже не будучи евреями, не желают ступить ногой в страну нацистов, как, например, Тосканини.

Разумеется, в области живописи, скульптуры и архитектуры наблюдается то же унылое бесплодие. Гитлер и в частных разговорах, и гласно заявлял, что он не допустит никаких этих «новшеств». На Мюнхенской художественной выставке в 1937 году он со своими друзьями собрал то, что, по их мнению, считалось лучшими образцами немецкого искусства. Общее впечатление от этой выставки — будто стоишь перед раскрашенными фотографиями. Многие исключительно талантливые художники были внесены в черный список. При таком отношении к искусству Гитлер, если судить по его отбору на Мюнхенской выставке, должен был бы выкинуть и таких художников, как Сезанн, Ренуар, Ван-Гог, Гоген и большинство живописцев великой французской современной школы, единственной школы, которая на протяжении столетий произвела настоящую революцию в искусстве. Всех этих гениев он бросил бы в мусорную яму.

Гитлер так же остро, как современную живопись, ненавидит и современную архитектуру. Всякий раз, когда проектируется постройка нового здания, автор и его проекты проходят строжайшую цензуру нацистов. Все вновь построенные партийные учреждения являют собой образец того, что Гитлер считает искусством. Их можно видеть по всей Германии и в особенности в Мюнхене, где, так сказать, на пепелище старого Мюнхена вырос новый нацистский город.

Несомненно, что диктатура личных вкусов Гитлера в области искусства окажется такой же жестокой и беспощадной, как во всех других, тем более, что он считает себя особенно компетентным в этой области, а также и потому, что некогда он был лишен возможности проявить свой «гений». Теперь он является властителем, которого никто не может остановить, он сам может выбирать род искусства, который должен существовать в Германии, и даже сам берется обсуждать проекты зданий.

Поэтому нет ничего удивительного, что он беспощадно подавляет всякое художественное дарование, не отвечающее его вкусам. Художнику труднее выразить в своем искусстве какой-нибудь протест против Гитлера, чем писателю. Он не может внести неуловимый сарказм в постройку здания, или написать картину, которая при внимательном анализе обращивалась бы протестом.

Модный скульптор современной Германии — это некий скандинавец Торак. Он делал бюсты многих великих, или так называемых великих, людей. Его работы отличаются чудовищно тяжелым стилем. Гитлер любит его, потому что независимо от того, какую бы голову ни лепил Торак, он всегда придает ей черты живой силы, мощи, бьющей через край жизненной энергии, соответствует это оригиналу или нет. Как-то он сказал мне, что работа над бюстом Гитлера, который ему заказан, будет трудным делом. Прошлым летом его посылали в Берлин устраивать берлинскую выставку. Перед зданием выставки была изображена группа мужчин и женщин, которые просто ошеломляли зрителя своей грубой, животной мощью. Головы их были наподобие горошины в увеличенном размере, а тела — огромные обтесанные глыбы камня, представляющие собой синтез тевтонской красоты.

Состояние немецких университетов хорошо известно всему миру. В то время как мой брат заканчивал свой курс в Берлине, три лучших немецких историка были сняты со своих постов или ушли сами. Со времени прихода Гитлера к власти, в Америку и Англию направлялся непрерывный поток эмигрантов интеллигентов. Приятно сознавать, что мы так много выиграли от диктатуры нацистов, но для немецкой молодежи это трагедия. В Германии теперь не осталось ни одного университета, который мог бы достойно называться этим именем. Все они превратились в учреждения пропаганды нацизма. Число студентов сократилось, в особенности число учащихся женщин, — они составляют сейчас максимум 10 процентов всего состава учащихся. История, не говоря уже о прочих примыкающих областях науки, преподносится исключительно с нацистской расовой точки зрения. Ректоры университетов назначаются преимущественно из нацистов. Профессора должны приносить присягу верности

режиму. Входя в аудиторию и покидая ее, они должны произносить «Хайль Гитлер». Разумеется, современная история, начиная с мировой войны по настоящее время, должна трактоваться с величайшей осторожностью. Штресеман и Веймарская республика, все государственные лица и крупные фигуры демократической эры или вовсе не упоминаются, или всячески поносятся. Нет возможности вести настоящие исследования ни в одной области, которая задевает какие-либо нацистские теории. А такие теории существуют и господствуют в любой области, от антропологии вплоть до английской литературы. Тысячи профессоров, в число которых, разумеется, входят и евреи, эмигрировали в другие страны. Сотни других были уволены или отстранены. Многие были прикончены втихомолку. И бесчисленное количество людей науки вынуждено к молчанию под угрозой лишиться жизни и свободы.

Молодежь не поощряют идти в университет; много других дорог открыто для молодых мужчин и женщин, принявших нацистскую веру. Если они не выражают желания идти в армию или на нацистскую работу, а упорствуют в своем стремлении получить университетское образование, их заставляют пройти год обучения в трудовых лагерях. Здесь они занимаются сельскохозяйственным трудом, и их пичкают нацистской пропагандой. После этой суровой практики им разрешается поступить в университет, причем отбирается ограниченное количество, и отбор этот делают сами нацисты или их агенты в университете. Затем они должны провозглашать «Хайль Гитлер» и жить и думать согласно стандарту наци. Гитлер считает, что если его план воспитания применять от самой колыбели, то не имеет значения, на какие истины студент может случайно набрести в университете. К тому времени он будет настолько пропитан идеями наци, так прочно воспримет их мировоззрение, что ничто другое не сможет оказать на него влияние.

Мускулы, а не мозги — вот что является конечной целью университетского обучения как для юношей, так и для девушек. Если учащийся обнаруживает способности к спорту или к военной выучке, если он вызубрил наизусть символ нацистской веры, если он показал себя дисциплинированным солдатом и способным

членом партии, то для нацистов не имеет значения, приобрел он какие-нибудь знания или нет. По правде сказать, люди интеллектуального склада подвергаются таким насмешкам, к ним относятся с таким презрением и ненавистью, что лучше уж студенту не проявлять своих интеллектуальных качеств и той любознательности и способности объективно мыслить, которая так ценится и поощряется в наших университетах. Если студент желает стать педагогом, он опять-таки должен пройти строгую проверку, должен показать себя верным приверженцем нацистской идеологии, являть собой как в физическом, так и в умственном отношении безупречный образец высшей северной расы.

Все области практической и теоретической мысли подчинены вопросам военной науки. Все дарования направлены на усовершенствование военной машины, включая и средства химической войны.

Так в искусство, в науку, во все специальности, в общую интеллектуальную культурную жизнь нацисты повсюду вносят разрушение, и немало десятилетий должно пройти, прежде чем это удастся восстановить. Блеск прошлого, те неоценимые вклады, которые Германия внесла в мировую культуру, ныне подменены пропагандой и техникой мракобесия, усовершенствованной системой обезпложивания, лживыми баснями и садизмом, на которые все страны мира, за исключением Италии и Японии, смотрят с ужасом.

Мой отец был так ошеломлен и подавлен упадком немецкой культуры, которую он знал, будучи студентом в Лейпциге, что его охватывал ужас при одном проезде через какой-нибудь университетский город. Он надеялся, что его объективные, критически широкообъемлющие лекции смогут пробудить уснувшие стремления и идеалы его аудитории. Несколько раз, перед тем как выступить в каком-нибудь германском университетском городе, он осторожно давал понять, чтобы ему не предлагали никакой ученой степени. Я уверена, что при других обстоятельствах, ничто не могло бы доставить ему большей радости, чем почетная ученая степень, полученная от германского университета, который он посещал, будучи студентом; но он вынужден был бы отказаться принять эту степень, если бы она

была предложена ему при гитлеровском режиме.

Уничтожение свободы как в частной, так и в общественной жизни немецкого народа превратило Германию в страну, в которой могут жить только фанатики или люди, поставившие себе целью вырождение человечества. Немало книг написано о жизни в концентрационных лагерях, об истреблении еврейского народа, о беспощадном преследовании всех, кто не выражает полного сочувствия Гитлеру. Однако память человеческая коротка, и мы, повидимому, приучаемся мириться не только с чудовищностью бомбардировки мирных городов и злодейскими способами современной войны, но также и с чудовищным, немислимим жертвоприношением человеческих жизней в кипящем котле гитлеровского человеконенавистничества. Я никогда не смогу забыть то, что я знаю о немецких концентрационных лагерях, потому что я не раз встречалась, и в Германии, и за ее пределами, с людьми, которые в течение многих месяцев или лет терпели невыносимые мучения и переживали муки ада в этих зловонных ямах. Когда я чуть ли не каждый день читаю в газетах о новых казнях, новых арестах, новых насилиях, новых допросах секретной полиции, я всякий раз снова испытываю ужас, мучение и жалость и чувство нестерпимого негодования.

Хотя всем хорошо известно, что приходится переживать заключенным в концентрационных лагерях, многие все же склонны думать, что люди, которые рассказывают об этом, стремятся внушить ненависть к режиму или произвести впечатление. Я знаю, что рассказы эти правдивы. Мне приходилось жить с людьми, которые отбыли свой срок в чистилище и видели, как другие несли эту кару. Кое-кому удалось бежать. Некоторые были выпущены на свободу после того, как их духовные и физические силы были сломлены. Многие были свидетелями того, как их друзей замучили на смерть или убили. Люди, с которыми мне приходилось разговаривать, были социалисты, — художники, писатели, — абсолютно невинные в тех преступлениях, в которых их обвиняли. Читатель должен понять, что я должна быть крайне осторожной, рассказывая об этом, что я лишена возможности приводить какие-либо источники, потому что кое-кто из этих людей,

их друзья и родственники, и по сей час еще живут в Германии.

Мне приходилось встречаться в Берлине и позднее в Европе с одним молодым человеком, который теперь эмигрировал за границу. Это был подающий надежды писатель, довольно ядовитый сатирик, абсолютно безвредный с политической точки зрения, одаренный и обаятельный. Однажды ночью в его квартиру ворвалась секретная полиция, произвела обыск и нашла у него «коричневую книгу гитлеровского террора», которую его приятель забрал у него накануне. Его заключили в тюрьму Колумбия, худшую из политических тюрем Германии. Здесь его продержали несколько месяцев, прежде чем отправили в концентрационный лагерь. За преступление, в котором он был неповинен, его били по ногам дубинкой, утыканной гвоздями. Ноги у него распухли, началось гангренозное воспаление, и он едва избег ампутации. Теперь, спустя два года, он все еще ходит как калека и время от времени вынужден ложиться в больницу, потому что ноги его распухают и приходится выкачивать гной. Во время его пребывания в первой тюрьме, его ставили в шеренгу с другими заключенными для осмотра, и тюремщики издевались над ними. Ему задавали вопросы, на которые он пытался отвечать спокойно. Тюремщики плевали ему в лицо. Тогда он решил не отвечать вовсе. Следствием этого «наглого» молчания было то, что ему стали запихивать в глотку зажженные папиросы. Он рассказывал, что это обычное обращение с заключенными. Он рассказывал еще, что его и других его товарищей по заключению заставляли стать на колени и открыть рот, и карательные мочились им в рот.

Один студент, с которым я встречалась в первый год пребывания в Берлине, был на подозрении — у него нашли запретную литературу. Он был отправлен в концентрационный лагерь, где прошел через все стадии ужасов и мучений. Его ежедневно били деревянными палками по голове, избивали резиновой дубинкой, свинчаткой. Он представлял собой сплошную кровавую массу, и рубцы от ран остались у него навсегда. Нацисты лечили его тем, что вливали вод в открытые раны. Его и его товарищей по камере в течение первых недель заключения будили ночью через каждые десять минут, заставляли стоять навтыжку, в то время, как кара-

ульные светили им фонарями в лицо и делали вид, что производят проверку. По истечении этих недель они превратились в физических и психических калеков, потеряли способность спать ночью, а днем их выгоняли на непосильную работу. Однажды караульные — обычно выбираемые из штурмовиков, завоевавших себе репутацию свирепостью, преданностью фашизму и садизмом — заставили его встать, обвели мелом место, на котором он стоял, и продержали его так два или три дня. Когда он пытался сойти с места, его беспощадно били. К концу этого времени ноги его так распухли, что он не мог ни ступить, ни двигать ими.

Один известный поэт, пожилой еврей, слышавший пацифистом, но отнюдь не интересовавшийся политическими партиями и движениями, был заключен в тюрьму одновременно со своим другом. Этот друг рассказывал мне чудовищные вещи о тех садистских пытках, которым подвергался этот болезненный, кроткий старый человек. Однажды ночью его, в присутствии других заключенных, заставили раздеться донага. Тюремщики подожгли ему волосы на теле. Когда он начал слишком громко кричать от боли, они вылили на него ведро с мочей, чтобы погасить огонь. Другой раз его снова заставили раздеться донага и заставили танцевать на столе среди горящих свечей и ведер с человеческими экскрементами под какой-то разнузданный плясовой мотив. После нескольких часов этого унижительного представления он изнемог и упал, опрокинув на себя ведро. Этот мужественный человек говорил своему другу, что он будет терпеть эти пытки до конца, что он не исполнит желания наци, которые жаждут его смерти. Если он умрет, пусть его семья и друзья знают, что его убили нацисты. Спустя несколько месяцев его труп, покрытый рубцами, язвами, кровоподтеками, нашли висющим на веревке в камере. Нацисты объявили, что он покончил самоубийством.

Большинство заключенных, мужчин и женщин, заставляли чистить уборные голыми руками, при этом им говорится, что если они хотят есть чистыми руками, то они могут облизать их. Одного молодого антифашистского профессора заставляли неоднократно прикладываться к раскаленной докрасна печке. Нет числа пыткам, которым ежедневно подвергаются заключен-

ные. Рассказы о них вызывают ужас и тошноту. Уголовные преступники не подвергаются таким издевательствам. Это удел политических заключенных, на них сосредоточивается вся злобная мстительность и садистское извращение фашистов. Многие сотни тысяч — это устаревшая цифра — немецких мужчин и женщин, которые жили в этих концентрационных лагерях или все еще «живут» в них, запомнят это на всю жизнь. Большинство из них, хотя они, может быть, и разбиты физически, не утратило мужества. Они ведут борьбу, сидя в заключении в концентрационных лагерях, перенося пытки, с которыми ничто не может сравниться, — они ведут борьбу и сейчас, молча и объединившись. Они представляют собой армию людей, пылающих ненавистью и мстостью, которые ждут дня возмездия.

Хотя, как я уже говорила ранее, я умышленно избегала подчеркивать эту область фашистского террора, я разделяю со всем цивилизованным миром чувство возмущения, которое я испытываю тем глубже и острее, что мне лично приходилось встречаться со многими жертвами этих гнусных жестокостей. Случаи, которые я описывала, это то, что мне рассказывали сами потерпевшие. Чуть ли не каждый день мне приходится слышать и читать о фашистских насилиях, о преследованиях, которым подвергаются люди, оказывающие малейшее сопротивление. В каждой европейской и американской газете за пределами Германии вы найдете подробные и подлинные рассказы о концентрационных лагерях, о той смерти заживо, на которую обречены заключенные. Люди любой национальности, любых убеждений и религии замучиваются до того, что теряют человеческий облик. Мужчин и женщин избивают до смерти, расстреливают «при попытке к бегству», доводят до самоубийства, а иногда дают ложные сведения о том, что они покончили самоубийством, подвергают их неслыханному по изобретательности пыткам, которым разум человеческий отказывается верить. Половые преступления самого чудовищного характера практикуются тюремщиками в концентрационных лагерях. Самые низменные, самые садистские и разрушительные инстинкты превозносятся в этой стране, которая с приходом Гитлера потеряла право стоять в рядах цивилизованных народов. Я считаю, что ужас гитлеровского режима можно срав-

нить только с глубокой темной первобытностью самых диких племен и с самыми страшными годами инквизиции при Торквемаде.

Зимой 1937 года мы вернулись домой; вся наша семья, все мы остались живы после этих ужасных переживаний, но нельзя представить себе более тяжелого испытания для нашего здоровья, сердца, нервов и душевного состояния. Спустя четыре месяца моя мать умерла, а я поставила себе целью описать чистилище, из которого мы вышли.

Здоровье моей матери так пострадало от всех ужасов берлинской жизни, что его уже нельзя было восстановить. Через две-три недели все то нервное напряжение, в котором она так долго жила, скакалось на ее сердце. Она не могла выдержать внезапного перехода от того противоестественного существования, которое ей приходилось вести, к нормальной обстановке. Ее силы, ее нервы так истощились за эти годы, что она уже не могла бороться с болезнью. Весной 1938 года она скончалась внезапно от разрыва сердца.

Мой отец, пользуясь своим влиянием, после возвращения на родину поднял борьбу против фашизма в Америке, а мой брат и я дали молчаливый обет бороться всеми силами против фашизма в Европе и препятствовать его возникновению в Америке.

Жизнь в США, после того как мы в течение пяти лет терпели диктатуру в Германии, казалась нам многообещающей

и радостной. Нам просто не верилось, что мы снова можем свободно разговаривать, думать и писать как хочется. Но мы теперь имели возможность смотреть на американскую жизнь более трезво и сравнить ее с тюрьмой, из которой мы только что вырвались. Мы встречались и разговаривали с мужчинами и женщинами из высших финансовых кругов общества, и они откровенно одобряли Гитлера и его методы. Нам приходилось слышать высказывания о том, что Америке нужен сильный человек, который способен защитить капитал и обуздать рабочего. Мы с изумлением слушали разглагольствования изоляционистов, которые не могут не видеть, как явно сказывается влияние фашизма в реакционном движении в Америке, Канаде, Южной Америке и во всем мире.

Мы были свидетелями захвата Австрии, раздела Чехословакии, беспримерного массового уничтожения евреев.

Если мы не будем поддерживать Рузвельта и его методы управления, если мы не будем поддерживать во всем мире демократию там, где она еще сохранилась, если мы, как единый американский народ, не придем раз и навсегда к заключению, что не существует такого понятия, как изоляция, когда мы живем в соседстве с другими странами, то мы слишком поздно для себя обнаружим, что боремся с разрушительным фашистским духом чуть ли не в одиночку, поддерживаемые наверняка только Россией.

Ради этого позитивного и неотложного дела я с глубоким рвением и надеждой написала эту книгу.